

Никто не заплачет

Автор:

Полина Дашкова

Никто не заплачет

Полина Викторовна Дашкова

Убийство коммерсанта Дениса Курбатова и пропажа миллиона долларов у представителя русской мафии в Праге неожиданно врываются в жизнь одинокой московской переводчицы – Веры Салтыковой. Теперь за ней охотятся бандиты, пытающиеся возратить деньги. Что это? Просто совпадение или продолжение одной истории?

Полина Дашкова

Никто не заплачет

Глава первая

Утренняя Прага пахла мокрым булыжником и горячей сдобой. В конце мая в городе стояла небывалая, тропическая жара. К полудню столбик огромного термометра на башне старинной ратуши подскакивал вверх до тридцати шести градусов. Наступивший день обещал быть знойным, потным, тяжелым. Но пока было раннее свежее утро. Улицы городского центра еще не наполнились толпами людей и машин, радостно щебетали воробьи, от умытой брусчатки веяло прохладой.

Полупустой трамвай неторопливо пересек площадь и грохотнул на повороте. Мужчина лет тридцати, сидевший на заднем сиденье первого вагона, сильно вздрогнул и пробормотал себе под нос по-русски:

– Почему?! Ну почему?!

Соседка, пожилая пани с клеенчатой сумкой на коленях, удивленно скосила глаза. Она увидела вздыбленный ежик темно-русых волос, мягкий курносый профиль, бледную щеку с неприятной трехдневной щетиной.

Молодой человек достал несвежий носовой платок и стал натужно сморкаться. Он страдал аллергией на тополиный пух, слизистая носа распухла, глаза слезились. Он почти не мог дышать, особенно когда нервничал. А сейчас он не просто нервничал – психовал, сходил с ума. Ему казалось, что шея окаменела. Надо было повернуть голову, взглянуть сквозь заднее стекло во второй прицепленный вагон. Оттуда, из пустой кабины водителя, на него смотрели спокойные, немигающие глаза убийцы. Надо было убедиться, что это мираж, бред, последствие бессонной ночи. Надо было всего лишь оглянуться. Но шея окаменела.

– Пршишти заставка Инвалидовна! – сладко зевнув, сообщил в микрофон кондуктор.

В детстве, проезжая мимо трамвайной остановки со странным для русского уха названием, Денис Курбатов каждый раз усмехался.

– Это бабулька, старая-престарая, с клюкой. Инвалидовой зовут, – говорил Денис брату.

– Нет, – возражал Антон, – это тетка средних лет – толстая, косолапая, злющая.

Они пробирались к выходу, на следующей надо было выходить. По этому маршруту два года они ездили в чешскую школу. Особым шиком считалось придержать раздвижные двери и спрыгнуть на брусчатку мостовой в самый последний момент, когда трамвай уже трогался. Если водитель или кондуктор замечали такие безобидные детские шалости, они начинали громко ругаться в микрофон. По-чешски бранные слова звучали смешно и необидно.

Про Инвалидовну они придумывали разные истории, рисовали ее уморительные портреты. Это была одна из их любимых игр. Все свое детство братья Курбатовы, погодки, старший Антон и младший Денис, играли только друг с другом. Чешские мальчики и девочки сторонились их со странно-взрослой вежливостью. Шел 1976 год, но память о советских танках была еще жива. Одноклассники Дениса, дети шестьдесят восьмого года рождения, разумеется, ничего помнить не могли. Но брезгливый ужас перед стальными монстрами, прущими с грохотом по узким улочкам родного города, эти дети впитали с материнским молоком.

Отец, Владимир Николаевич Курбатов, был направлен в Злату Прагу, в сердце Европы, именно тогда, в 1968-м. Он преподавал марксизм-ленинизм и историю КПСС в Пражском университете, являлся доктором общественных наук, подполковником КГБ. Чешским языком Владимир Николаевич владел свободно, выучил его в Институте международных отношений. И сыновей своих отдал не в русскую школу при посольстве, а в чешскую – во-первых, для того, чтобы как следует знали язык, а во-вторых, чтобы учились одолевать трудности, с детства привыкали к чужой среде. Он готовил мальчиков к дипломатическо-шпионской карьере и никаких возражений не терпел...

Сквозь толстые трамвайные стекла взгляд убийцы жег Денису Курбатову затылок. Струйка холодного пота быстро пробежала под ворот мятой льняной рубашки. Трамвай остановился, пожилая пани с клеенчатой сумкой спохватилась, неуклюже поднялась и направилась к выходу. Краем глаза Денис увидел, как пани неловко переваливает ногу в растоптанной туфле с высокой трамвайной ступеньки на мокрую, блестящую брусчатку. Через минуту, когда двери стали медленно закрываться, он вскочил, со смутной паникой вспоминая детскую забаву, раздвинул двери слабыми, дрожащими руками и выпрыгнул на ходу.

Трамвай тяжело двинулся по рельсам. Водитель и кондуктор хором ругались ему вслед по-чешски. Он бежал по мокрой улице, мимо открывающихся фруктовых и мясных лавок, мимо распахнутых дверей утренних тихих кофеен, мимо темно-серого пятиэтажного здания школы, в которой проучился когда-то два года. Он бежал очень быстро, не оглядываясь. Редкие прохожие провожали его удивленными взглядами.

Он помнил с детства, что где-то здесь, в переулке, неподалеку от школы, между табачным магазином и парикмахерской, должен быть проходной подъезд. Он даже узнал этот дом, с парадным ходом на улицу, с черным ходом в тихий

дворик. Но дверь парадного подъезда теперь оказалась стальной, с маленькой коробкой домофона. Бессмысленно взглянув на кнопки с цифрами, он сделал несколько шагов, уже медленно, почти спокойно.

В открытой двери парикмахерской стояла, прислонившись к косяку, полная девушка в сиреневом халатике с чашкой кофе в одной руке и с половинкой поджаристого рогалика в другой.

– Прошу, пан, проходите, доброе утро, – сказала она по-чешски и ласково улыбнулась.

Он шагнул в приторный запах лака и одеколона, рухнул в вертящееся кресло. Из огромного зеркала на него смотрел чужой, за одну ночь постаревший, очень бледный человек, с черными кругами под глазами, с заросшими, ввалившимися щеками.

Пани в халатике быстро доела свой рогалик с маслом, одним глотком допила кофе и возникла в зеркале у Дениса за спиной.

– Пана побрить? Стричь не надо? – спросила она, быстрыми легкими движениями заправляя крахмальную простыню под ворот его рубашки.

– Да. Только побрить, – ответил он хрипло по-чешски, – стричь не надо.

– В общем, и нечего пока стричь, – улыбнулась пани, прикасаясь прохладными пальчиками к его вздыбленным, очень густым и коротким волосам, – такой ежик пану к лицу. Мне нравится, когда у мужчины короткая стрижка. – Она хохотнула и стала взбивать помазком мыльный крем в фарфоровой чашке.

Он немного успокоился. В зеркале отражалось широкое открытое окно. За окном был виден кусок улицы как на ладони. Не поворачивая головы, он мог наблюдать за прохожими. Вот промелькнул банковский служащий в строгом сером костюме, молоденькая мамаша в шортиках прокатила прогулочную коляску. У годовалой девочки на голове была ярко-розовая соломенная шляпка. Потом не спеша прошел мимо окна старик трубочист в черном цилиндре. Денис вспомнил, как нравились ему в детстве эти сказочные пражские трубочисты. В старинном городе много каминов, и трубы чистят все так же, как триста лет назад. Однако сейчас, в конце мая, вряд ли кто-нибудь разжигает камин душными вечерами...

Трубочист взглянул в окно, кивнул парикмахерше. Она улыбнулась в ответ и крикнула: «Доброе утро, пан Сташек!»

И тут голова Дениса резко дернулась. Лезвие скользнуло по щеке, оставив на коже тонкий глубокий порез. Сквозь белоснежную пену просочилась струйка крови. Денис не почувствовал никакой боли, но от вида собственной крови на мыльной пене его затошнило.

– Ах, простите, пан так неожиданно повернулся, я сейчас... простите, – заволновалась девушка и стала аккуратно стирать стерильной салфеткой пену с его щеки.

Убийца появился сразу, вслед за трубочистом. Он остановился прямо у окна парикмахерской и закурил, спокойно глядя в зеркало, на Дениса. Их глаза встретились. Денису показалось, что по молодому черноусому лицу скользнула тень усмешки.

«Это убийца, преступник! – хотел выдохнуть он в чистое личико девушки, которая осторожно протирала порез на его щеке ваткой с перекисью. – Вызывайте полицию, срочно!»

Но он не сказал этого. Он не мог оторвать глаз от зеркала. Там, за его спиной, маячило черноусое лицо и мягко слоился на утреннем солнце дымок сигареты.

– Проминте просим, пани, – прохрипел он еле слышно, – здесь есть где-нибудь поблизости факс?

– Да, очень близко, за углом, на Кленовой улице, офис туристической компании. Оттуда можно недорого отправить факс.

Парикмахерша очень осторожно добрила его щеку, нежно поскребла лезвием по подбородку, стерла пену с лица.

– Пан желает массаж или маникюр? – спросила она, промокая его подбородок салфеткой с одеколоном.

Лишь на секунду Денис прикрыл глаза, просто моргнул. А когда опять уставился в зеркало, убийцы за окном не было. Только слабая струйка дыма поднималась от плохо затоптанного окурка.

– Нет, спасибо, больше ничего не нужно.

– Двадцать четыре кроны, – немного обиженно сообщила девушка.

– Простите, где у вас туалет? – спросил он, доставая деньги из поясного портмоне.

На этот раз ему повезло. В маленькой кабинке было окно, густо замазанное масляной краской. Дернув шпингалет, он перемахнул через низкий подоконник и очутился в глухом безлюдном дворике. Сначала ему показалось, что это тупик, дворик окружен домами с четырех сторон, и выхода нет. Но потом он заметил маленькую, заставленную мусорными контейнерами арку.

Он присел на корточки за одним из контейнеров, не чувствуя помойной вони, стараясь оставаться в тени, оглядел кусок улицы. Ему показалось, что все спокойно. Черноусый убийца опять потерял его. А может быть, тот парень за окном был просто похож на убийцу? Может, там стоял и курил совсем другой человек? Ведь глаза болят и слезятся от аллергии, к тому же бессонная ночь, пережитый ужас... И никто не сверлил ему затылок ледяным взглядом сквозь трамвайные стекла. Померещилось. На самом деле он оторвался от убийцы еще несколько часов назад, на Центральном вокзале. Или все-таки нет?

Денис покинул подворотню и быстро, пружинисто зашагал по тенистой стороне узкой улицы. Хотелось есть. Это хороший признак – значит, опасность действительно миновала. Он с раннего детства чувствовал опасность животом.

* * *

Антон Курбатов нажал кнопку отбоя и тут же опять набрал восьмерку, потом код Праги. Задребезжали протяжные гудки.

– Дениска, ну где тебя черт носит! – проговорил он в гудящую трубку, подождал еще немного, полистал толстую записную книжку, закурил.

Он сидел голышом в огромном кожаном кресле. За окном гудел утренний Кутузовский проспект. Московское майское солнце пробивалось сквозь тяжелые шелковые портьеры.

– Я же просила тебя не курить в комнате! – На пороге появилась высокая худая женщина лет сорока в прозрачном пеньюаре. – И вообще, кончай звонить в Прагу, мне потом счета придут баксов на сто.

– Извини, – буркнул Антон, но сигарету не загасил и опять стал набирать пражский код. На этот раз трубку взяли очень быстро.

– Проминте просим, пани, – заговорил Антон по-чешски, – пан Денис Курбатов живет у вас в гостинице, в тридцать девятом номере. Да, я знаю, как позвонить в номер. Но там никто не отвечает вторые сутки. Да, спасибо. Я перезвоню через полчаса, если позволите.

Столбик пепла упал на дорогой пушистый ковер. Женщина выхватила сигарету из его руки.

– Никуда ты перезванивать не будешь! – заявила она. – Мне это надоело! Сегодня Вовчик прилетает, а ты мне здесь свинячишь, да еще за бугор названиваешь за мой счет!

– Га-лю-ша, не заводись! – Антон быстро взглянул на часы, мягким кошачьим движением соскочил с кресла, опрокинул Галюшу прямо на ковер и стал ловко расстегивать перламутровые пуговицы пеньюара.

– Ты думаешь, если ты такой великий трахатель, тебе все можно? – Галюша игриво шлепнула его по мускулистой голой заднице. – Найдется твой братец, никуда не денется, – прошептала она уже с придыханием, с закрытыми глазами.

Ровно через полчаса Антон опять набирал код Праги. Галюша, скорчив притворно-гневную гримаску, отправилась в ванную.

– Что вы говорите, пани? Вторую ночь не ночует в номере? А горничные не могли ошибиться, перепутать? Да, простите. Я понимаю. До какого числа оплачен номер? То есть еще два дня? Огромное вам спасибо. Пожалуйста, если он

появится, передайте ему записку, звонил брат из Москвы. Номер телефона и факса фирмы поменялся. Я буду сам ему звонить. Еще раз благодарю.

Положив трубку, он опять закурил, задумчиво глядя в окно.

* * *

Все-таки хорошо, что у него интуиция, словно у экзальтированной дамочки. У мужчин это редко бывает. Даже сны ему снятся вещие, иногда становилось страшно: чувствуешь опасность, вот она, за поворотом, через минуту... Это нельзя объяснить словами, просто желудок сжимается, сердце бухает глухо и медленно.

Так было вчера, ранним вечером, когда он сидел в пивном ресторане «У Флэка», праздновал фантастическую шальную удачу, в которую сам пока что верил с трудом. Хотелось ущипнуть себя и спросить: «Я не сплю? Это правда?..»

За соседним столом шумно гуляли немцы-туристы, хором горланили тирольские песни, громыхали пудовыми кружками. Денис невольно следил, как высокий тощий парнишка у черной от времени пивной бочки разливает янтарную «деситку» – светлое десятиградусное пиво. Парнишка был как будто частью конвейера, одна его рука непрерывно двигала кружки, другая закрывала и открывала медный кран. Денис знал, что этой пивной восемьсот лет, ни на один день за восемь веков она не прекращала работу. И рецепты пива все те же. До сих пор пивовары проверяют качество напитка древним способом: выливают на дубовую скамью, садятся в пивную лужу в кожаных штанах, по пять-шесть человек. Посидят немного, потом встают одновременно. Если тяжеленная лавка поднимается вместе с ними, значит, пиво хорошее.

Злата Прага потому и осталась золотой, что во всех войнах сразу сдавалась на милость врагу. Турки, крестоносцы и прочие завоеватели, которых было немало за тысячелетие, не трогали чудесный город, не разрушали дома и соборы. Как было все, так и сохранилось – Карлов мост, собор святого Витта, кривые улочки Стара Мяста. Черная брусчатка Вацлавской площади помнит, как горели на кострах инквизиции знаменитые на весь мир пражские алхимики. И эта древняя пивная, все с теми же столами, бочками, лавками, все с той же «деситкой» и «дванадцаткой» – тоже символ вечности. Может, тощий парень в кожаном переднике так и стоит, разливает пиво уже восемьсот лет?

Поймав вилкой последний кнедлик, размокший в мясном жирном соусе, глотнув черной «дванадцатки», Денис вдруг застыл. Почему? Откуда взялось это знакомое чувство опасности? Сначала он подумал, что зря заказал свое любимое двенадцатиградусное пиво. Слишком оно крепкое, валит с ног, туманит голову. Разница всего-то в два градуса, но если пьешь пятую кружку... А голова должна быть ясной. Почему? Ведь он празднует самое невероятное везение, которое может выпасть человеку. Зачем же ему сейчас ясная голова? Затем, что из глубины полутемного зала следят за ним чьи-то странные, неподвижные глаза.

Денис попытался разглядеть лицо сквозь клубы табачного дыма, но заметил только аккуратные черные усы, могучую шею и мятый пиджак, надетый на черную футболку.

«Что ж он так уставился? Может, просто “голубой”? Много их ошивается по пивным, туристический сезон давно открылся...»

Однако он тут же понял, что врет самому себе, пытается спрятать голову в песок, как глупый страус. Никакой это не «голубой». Это турок, киллер. Денис уже видел его однажды в аэропорту в Анкаре. Тогда удалось уйти, и это было чудо. Его вели двое, молодой и старый. Вот он, молодой, черноусый... Профессионал он или нет, неважно. Все равно убьет.

Они целый год за ним охотились. А он, дурак, думал, их всех взяли... Ведь был телерепортаж... Ну как не поверить репортажу? Корреспондент из Анкары очень убедительно рассказывал, что всех их арестовал Интерпол, словно Дениса Курбатова лично утешал с телеэкрана.

Однако так не бывает, чтобы всех... Вот он, один из них, в глубине зала, сверлит Дениса своими угольно-черными турецкими глазами. Это можно было предвидеть, да что толку? Телохранителей нанять? В бронированный бункер засесть? Рано или поздно они бы все равно достали его – в Москве ли, в Париже, в Праге, на Северном и Южном полюсе, на дне океана. А так он хотя бы год прожил спокойно. Хотя бы год. И на том спасибо...

Но почему именно сейчас? Может, одно с другим как-то связано? Да нет, ерунда... А если и за Антошкой в Москве тоже идет «хвост»? У Антошки нет такой острой интуиции, он не просечет опасность вовремя. От одной только мысли об этом Дениса передернуло. Остается надеяться, что до брата они не

доберутся. Зачем им? В конце концов, Антон к той истории не имеет отношения. Им нужен Денис. Его хотят они убить. И понятно, за что. А брата не тронут.

Немного успокоившись, Денис Курбатов подозвал официанта, расплатился, оставил щедрые чаевые и не спеша направился к выходу. Ничего, он отлично знает старый центр, он сумеет уйти, запутать убийцу в узких средневековых улочках. Он ведь родился в этом городе. Главное, все время быть в толпе, держаться людных мест. Вряд ли убийца решится стрелять в толпе. Или у него нож?

Нельзя ни в гостиницу, ни в офис филиала фирмы, нельзя на автостоянку, где он оставил машину. Там могут ждать. Вполне вероятно, убийца не один.

И началась изнурительная гонка по самому красивому городу мира. Денис любил этот город, знал историю каждой улочки в старом центре, ему было здесь уютно и хорошо. Но только не сейчас.

Настала ночь, народу становилось все меньше. Денис затесался в группу английских туристов, медленно прошел Карлов мост. Туристы шумно загружались в автобус. Он огляделся и понял, что стоит один под ярким фонарным лучом, как живая мишень; мотнулся в темноту, нашел глазами небольшую группу молодежи, кинулся к ним. Это были студенты из Амстердама. Ему тут же предложили сигарету с марихуаной. Он отказался.

Иногда черноусый убийца мерещился ему за поворотом, в тени цветущей липы, за пьедесталом конной статуи в глубине Стара Мяста. Черные немигающие глаза отражались в витринном стекле сувенирной лавки. Знаменитые куранты на Старомястской ратуше пробили полночь. Медленно заскользили по кругу фигуры двенадцати апостолов. Головы редких прохожих были подняты вверх, а Денис опять почувствовал ледяной взгляд. Черноусый человек в льняном пиджаке, единственный на всей площади, глядел в эту минуту не на знаменитые часы с готическими фигурами, а на Дениса Курбатова.

Иногда ему казалось, что убийца его потерял, совсем потерял. Он ведь иностранец. Откуда турку знать улицы старой Праги? Денис вздыхал с облегчением. Он сразу, как только заметил и узнал убийцу, рассудил, что прежде всего надо оторваться, а потом уж принять решение, как быть дальше – лететь ли в Москву, осесть ли здесь, в Праге, переждать в укромном месте. Или

вообще рвануть куда-нибудь в Братиславу или Брно, туда, где они ждать его не могут.

Но сначала надо оторваться. А он не мог. После полуночи шансов спастись было все меньше. Улицы стали пустынные. Автобусы с туристами отчаливали один за другим. Надо было срочно менять тактику. Он решил отправиться на Центральный вокзал. Поймал такси. Сквозь зеркало заднего вида он заметил, как успел вскочить в другое такси черноусый убийца.

– Этот парень преследует меня весь день, – сказал Денис по-чешски милому пожилому водителю, – какой-то сумасшедший «голубой», может, вообще маньяк. Надо оторваться от него.

– Почему пан не обратится в полицию? – спросил таксист.

– Так не с чем пока обращаться. Он просто ходит за мной и прожигает глазами насквозь. За это не арестовывают.

– Оторвемся, – хмыкнул водитель, – попытаемся удрать.

Таксист виртуозно крутился по спящему городу, домчал Дениса до вокзала таким причудливым маршрутом, что понять, куда они едут, было невозможно.

На вокзале Денис отдышался и немного успокоился. Черноусый потерял его. Глаза слипались. Он рухнул в удобное кресло в зале ожидания и сам не заметил, как уснул. Но поспать ему удалось не больше часа. Проснулся он от того, что сильно заболел живот. В соседнем проходе стоял убийца и тревожно озирался по сторонам. Захотелось залезть под кресло, исчезнуть, стать невидимкой.

Убийца заметил его. Здесь он, конечно, не станет стрелять. Его сразу схватит полиция. Этот турок не идиот, не самоубийца, он ждет подходящего момента. Рано или поздно такой момент настанет, либо черноусый потеряет терпение и пальнет...

По радио объявили, что поезд на Братиславу отправляется через десять минут, с пятого пути. Денис не спеша поднялся, потер кулаками сонные глаза и направился к платформам. Он вел убийцу к братиславскому поезду.

«Тебе, приятель, придется взять билет, – мысленно обратился он к черноусому, – сейчас ты убедишься, что я сажусь в этот поезд, рванешь к кассам. Ты ведь не решишься отправиться зайцем. Зачем тебе лишние неприятности при твоём деликатном ремесле?»

Но черноусый решился и вскочил в поезд.

Денис быстро шел по вагонным коридорам. Поезд тронулся. В пустом тамбуре проводник гремел ключами, собираясь запереть дверь.

– Простите, пан! Я сел не в тот поезд, я перепутал! – Денис рванул еще не запертую дверь и выпрыгнул прямо на соседний путь.

– Пан! Вы сумасшедший! – кричал ему вслед проводник.

Было начало третьего ночи. До рассвета он слонялся по городу и уже не мог понять, мерещится ли ему черноусое лицо или вправду убийца где-то рядом и трюк с поездом не удался. К утру его шатало от слабости, аллергия обострилась, нос совсем не дышал, из глаз текли слезы. Надо было поспать хотя бы пару часов. Ему вдруг пришло в голову, что убийца – тоже человек, и ночная гонка должна была его порядочно измотать. Но вслед за этой утешительной мыслью мелькнула другая – паническая: а если ему на смену пришел другой? Турок отправился спать, а за Денисом идет «утренняя смена». Этого он знает в лицо. А как узнает другого? Глаза почти не видят, руки трясутся, интуиция может и не сработать.

Но черноусый появился опять – во втором трамвайном вагоне, потом за окном парикмахерской. Это не может продолжаться бесконечно. Нужна хоть небольшая передышка. Для начала необходимо поесть.

В маленьком баре под потолком шумел старомодный вентилятор-пропеллер. Денис заказал себе яичницу с ветчиной и две порции кофе-эспрессо. Откинувшись на неудобную спинку венского стула, он наблюдал, как за стойкой, у небольшой электрической плиты, выливает яйца на шипящую сковородку толстый хозяин в лихом поварском колпаке.

Аппетита не было, но он заставил себя съесть все. После первой чашки крепкого сладкого кофе он закурил. «Когда это кончится, мы с Антошкой купим дом в

Карлштейне. Именно тот, двухэтажный, прошлого века. Мы приведем его в порядок, починим камин, проведем воду, канализацию, сделаем три ваннные комнаты. Двух, конечно, достаточно. По нашим российским меркам и одной хватит, но если можно три – почему нет? Это так удобно. Во всем цивилизованном мире при каждой спальне полагается иметь отдельную ванную, тем более Антошка будет таскать туда своих бесконечных баб. И пусть таскает! В доме места достаточно, есть два отдельных входа. Перед домом лужайка, там можно устроить маленький теннисный корт...»

Горячий кофе попал в дыхательное горло. Денис закашлялся очень сильно, никак не мог остановиться. Слезы покатились из глаз ручьями, лицо побагровело. Хозяин смотрел на него из-за стойки с сочувствием, потом налил воды в стакан, подошел.

– Пана постучать по спине?

Но Денис не мог сказать ни слова, отрицательно помотал головой, взял стакан из рук хозяина, жадно глотнул холодной воды. Стало легче.

– Только кофе? – услышал он голос хозяина уже у соседнего столика.

– Да, покрепче, с сахаром, – ответил кто-то на ломаном английском.

Денис промокнул слезящиеся глаза салфеткой. За соседним столиком сидел черноусый убийца.

* * *

– И что я, по-твоему, должна сказать мужу? – спросила Галюша, быстро вбивая кончиками пальцев дневной крем в кожу.

Сейчас, ярким утром, в трельяже было видно, что она немолода, что лицо ее отечно, брови и ресницы бесцветны, нос и губы толстоваты, над шеей намечается второй подбородок.

– Скажешь своему Вовчику, что он – скотина и импотент, что, пока он занимался темными делишками в Стокгольме, варганил очередной «лимон», его красotka

жена развлекалась с молодым пылким любовником. И любовник этот, хороший в общем парень, пару раз звякнул в Прагу.

– Кончай придуриваться, – поморщилась Галя. Розовая губка быстро скользила по ее щекам и подбородку, лицо покрывалось ровным слоем тонального крема. Антон каждый раз поражался, глядя, как за двадцать минут на его глазах немолодая, весьма потасканная бабеха превращалась в яркую, холеную красотку.

Он увидел Галину Игнатьеву без макияжа только через месяц после того, как познакомился с ней. Она умудрялась даже в постели оставаться «при полном параде лица», как сама выражалась. Антон сразу понял почему, когда влез к ней под душ. Сквозь струи воды он разглядел совсем другое лицо. С тех пор она не церемонилась с ним.

– Без макияжа я как без кожи, – говорила она, – как улитка без ракушки или ежик, перевернутый нежным брюшком вверх. Я голенькая, слабенькая, беззащитная. Тебе я очень доверяю, очень. Цени.

Он ценил. Он вообще относился к своим многочисленным пассиям по-джентльменски, не допускал слез, сцен, тяжелых разрывов. Он умел сделать так, что каждая думала, будто она у него – единственная. И расставаться он умел таким образом, что покинутой даме казалось – это она бросила легкомысленного красавчика. Поиграла и бросила. Это тешило тщеславие стареющих, скучающих дамочек, одиноких и замужних, успешных предпринимательниц и богатых романтических бездельниц.

Антон вовсе не был альфонсом. Ему нравились женщины бальзаковского возраста. Но он не терпел однообразия. Когда закручивался какой-нибудь очередной роман, Антон искренне верил, что это всерьез и надолго. Однако не успевал закончиться один роман, а уже как бы сам собой начинался следующий. Получалось, что Антон одновременно крутил любовь с тремя-четырьмя дамочками, сам того не желая.

Часто обстоятельства складывались так, что ему необходимо было исчезнуть из дома на несколько дней. И квартиры его стареющих пассий оказывались весьма кстати. Это, пожалуй, был единственный корыстный момент в его романтических отношениях с богатыми дамами бальзаковского возраста.

Вот и сейчас деловая поездка члена Государственной Думы господина Игнатьева В. Н. в Швецию обернулась неделей страсти для его сорокапятилетней жены Галины и для тридцатилетнего вольного предпринимателя Антона Курбатова. Антону надо было исчезнуть на некоторое время из квартиры. Очередная попытка братьев Курбатовых заработать сразу много денег провалилась.

Полгода назад они создали маленькую посредническую фирму по покупке недвижимости в Чехии. Это была авантюра чистой воды, как и все их предыдущие попытки быстро разбогатеть. Чем только не пробовали торговать братья Курбатовы за последние пять лет: итальянской обувью, немецкими памперсами и тампаксами, турецкими дубленками, французским шоколадом, отдыхом на Кипре, американскими оздоровительными программами, живой водой с Тибета, средствами для роста волос и для удаления волос – всего не перечесать.

Иногда им даже везло, удавалось кое-что заработать. За эти пять бурных лет они успели влипнуть в пару-тройку весьма неприятных историй, но каждый раз чудом выкручивались в последний момент.

Вот и сейчас на посредническую фирму был произведен серьезный наезд, причем с двух сторон: с одной стороны, стали донимать бандиты, с другой – налоговая инспекция. Когда это началось, Дениска отправился в Прагу, там был липовый филиал фирмы, состоящий из одной комнаты в квартире приятеля-чеха Иржи Словчика. Надо было подстраховаться, собрать кое-какие документы, подчистить концы, обеспечить тылы, в общем, дел у Дениски хватало.

Антон остался в Москве, чтобы попробовать договориться хотя бы с одной атакующей стороной, найти компромисс, лазейку, либо обеспечить надежную криминальную крышу, которая решит проблемы и с наехавшими «отморозками», и с налоговой полицией.

За эти три дня ему удалось горы свернуть, выйти на серьезных людей, но люди эти не сочли маленькую посредническую фирму достойным объектом для своего высокого покровительства. А атака с обеих сторон приобрела совсем уж угрожающий характер. Нельзя было медлить. И Антон принял решение: фирма исчезла, испарилась, будто и вовсе не существовала.

Исчезло все – в подвальчике, где был крошечный офис, какая-то другая фирма делала европейский ремонт и о «Стар-Сервисе», который находился здесь всего неделю назад, не имела ни малейшего представления. Номер телефона и факса принадлежал теперь неизвестно кому, каким-то совершенно посторонним людям. А сам Антон кочевал от одной своей пассии к другой и в собственной квартире не появлялся.

Но Денис этого еще не знал. Он был в Праге. В последний раз они общались по телефону неделю назад, и тогда ситуация еще не выглядела столь безнадежно. А потом связь оборвалась. Иржи Словчик уверял, что Денис всю эту неделю у него не появлялся, не звонил. Гостиничный номер не отвечал. Антон не слишком волновался за брата. Там, в Праге, сейчас спокойней, чем в Москве. Наезжали здесь, а там никто пока не трогал. Сообщить Дениске, что фирмы больше нет, надо было непременно. Но пока не получалось.

* * *

Денис Курбатов влетел в приемную офиса небольшой туристической компании на Кленовой улице и затравленно огляделся по сторонам. Не было ни одного посетителя.

– Доброе утро, пан. Я могу вам чем-нибудь помочь? – улыбнулась ему девушка, сидевшая за компьютером.

– Пани, факс! Мне надо срочно отправить факс в Москву!

– Матерь Божья! Денис! – Девушка вышла из-за стола.

Она была высокой, полноватой, очень миловидной. Копна ярко-рыжих волос, большие круглые темно-зеленые глаза, мягкий овал лица, полные губы. Денис несколько минут глядел на нее, тупо хлопая глазами.

– Неужели я так изменилась? – покачала головой девушка. – В общем, ты, конечно, тоже изменился. Столько лет прошло. – Она вздохнула. – Я Агнешка Климович. Ну, вспомнил? Теперь я пани Бем.

Агнешка... Да, конечно, он должен был сразу ее узнать. У них в четырнадцать лет был заколдованный треугольник. Рыжей Агнешке нравился Антон, а она нравилась Денису. В общем, это была его первая любовь, горькая, глупая, никому не нужная. Он не ревновал ее к брату. Ему просто было обидно. К тому же, если бы Антон не нравился рыжей Агнешке, они не шлялись бы втроем поздними вечерами по Стару Мясту, не сидели бы в крошечных кондитерских.

У нее все лицо было усыпано яркими хулиганскими веснушками. Она была очень худенькая, длинная, сутулилась и стеснялась. Она смотрела на Антона с немым обожанием, отдавала ему свои взбитые сливки, писала за него сочинения.

В четвертом классе из простой чешской школы отец перевел их в закрытый лицей. Там учились дети сотрудников Пражского отделения КГБ, мальчики и девочки из советского посольства и торгпредства. В классах было не больше десяти человек, на четырех чехов приходилось шесть русских. Отец Агнешки был крупным чиновником в правительстве Чехословакии. Она училась в одном классе с Антоном.

– Агнешка, где твои веснушки? – спросил он.

– Вспомнил наконец! – Она рассмеялась. – Нет больше веснушек, надоели они мне. Слушай, ты надолго в Праге? А как Антон? Да ты садись, давай я кофе сварю.

– Да, спасибо. – Он уселся в мягкое кожаное кресло и покосился на стеклянную дверь. – Антон в порядке. А я... Вот приехал по делам... Слушай, можно мне быстренько отправить факс в Москву?

– Конечно, – кивнула она, – вон аппарат. Ты как, от руки напишешь или тебе на компьютере напечатать?

– Я от руки. Там совсем маленький текст.

– Сам справишься или хочешь, чтобы я отправила?

– Сам. Я лучше сам. – Он встал, подошел к аппарату, написал на листочке всего несколько слов по-чешски крупными печатными буквами. Просто адрес.

«Карлштейн... улица... дом номер... третий этаж... “Мокко”... Туретчина... Брунгильда».

– Это что, шпионская информация? – хохотнула Агнешка, заглянув через его плечо.

Аппарат просигналил, что факс в Москву прошел.

– Это коммерческая тайна, – нервно усмехнулся Денис.

– Ладно, я пойду кофе сварю. Я здесь сегодня одна, мы с мужем владеем этой фирмой. Есть еще секретарша и пара агентов, но сегодня я одна... Ты посиди. Можешь покурить пока. И вообще расслабься. Ты какой-то дерганный.

– Спасибо. Сколько я тебе должен?

– Хамишь, парниша! – Она весело махнула рукой. В четырнадцать они все трое зачитывались романами Ильфа и Петрова. У них даже сложился своеобразный жаргончик, состоящий из цитат. Агнешка часто разговаривала языком знаменитой Элочки-Людоедки, у нее это получалось смешно и мило.

Она исчезла за дверью в глубине приемной. Оставшись один, Денис скомкал в кулаке листок бумаги, сунул в карман джинсов. Секунду подумав, достал, расправил, оторвал кусок с написанным текстом, положил в большую медную пепельницу и поджег кончик зажигалкой. Потом крутанулся в кресле, вытянул сигарету из смятой пачки, машинально отметил, что это – последняя, закурил. Клочок бумаги скорчился и почернел. Он сгорел быстро, за несколько секунд.

– Денис! – слышался голос Агнешки из соседней комнаты. – Тебе сколько сахара?

– Две ложки! – крикнул он в ответ.

– А Антон женат?

Его немного задело, что Агнешка сначала спрашивает про Антона.

– Нет! – крикнул он. – И я тоже нет.

Наружная стеклянная дверь бесшумно распахнулась.

Денис успел заметить черные усы, мятый льняной пиджак, закатанный до локтя рукав, руку, обильно поросшую черными волосами. Пистолетного дула с навинченным глушителем он не увидел и вскрикнуть не успел.

В соседней комнате у Агнешки свистел электрический чайник. Никто не услышал легкого хлопка.

– Я тебя не спросила, ты завтракал? Я могу быстро согреть пару рогаликов... – Агнешка застыла на пороге с подносом в руках. Забыв, что на подносе стоят две чашки с горячим кофе, она прижала ладонь ко рту. Чашки со звоном упали на пол, покатались, расплескивая коричневую сладкую жижу.

Опомнившись, она заплакала и стала звонить в полицию и в «скорую».

Глава вторая

Вера Салтыкова услышала, как зажужжал факс, повернулась на другой бок и закуталась в одеяло. Ей очень хотелось спать, хотя было уже одиннадцать утра. Она легла в четыре и теперь никак не могла заставить себя открыть глаза.

– Верочка! Я ушла! – крикнула мама из прихожей. Промычав в ответ что-то невнятное, Вера укрылась с головой. Дверь хлопнула. Несколько минут было тихо. Потом послышался быстрый топот четырех лап по паркету.

– Ай! – вскрикнула Вера, когда мокрый холодный собачий нос защекотал ей пятку. – Мотька, я сплю, отстань. – Она откатилась в глубину широкой тахты, к стене, поджала ноги.

Рыжий ирландский сеттер Матвей двух лет от роду поставил передние лапы на тахту, разрыл носом нору в одеяле и стал бесцеремонно вылизывать Верину щеку.

– Ну почему? – простонала Вера. – Почему с мамой ты себе такого не позволяешь? – Она открыла наконец глаза и села на кровати. – Я ведь знаю, мама с тобой погуляла, покормила тебя. Чего ты от меня хочешь?

Пес сел, потом лег, потом опять встал, протянул лапу, отчаянно замахал лохматым рыжим хвостом, пару раз твякнул и уставился на Веру большими, карими, очень печальными глазами.

– Я все равно сейчас с тобой гулять не пойду. Мне надо принять душ, выпить кофе, и вообще я могла бы еще часика полтора поспать.

Пес слушал ее очень внимательно, склонив голову набок и шевеля длинными шелковистыми ушами.

Вера вылезла из-под теплого одеяла, поеживаясь, подошла к письменному столу.

– Ну, что там у нас нападало? – произнесла она, перебирая листы с факсами, поступившими за ночь.

В основном это были длинные, мелко напечатанные тексты на английском и французском языках.

– Так, это опять про морских млекопитающих, это фауна Ледовитого океана, манифест в защиту новорожденных китят, еще манифест, – бормотала Вера себе под нос, перебирая страницы, поднося их очень близко к глазам, – а это вообще чушь какая-то. О господи, что это за язык?

Держа в руке листок с двумя строчками текста, написанного очень крупно от руки, Вера стала искать очки. На столе их не было, на тумбочке у кровати тоже.

– Мотя, ну помоги мне, – обратилась она к собаке, – ищи, Матвей, ищи!

Пес деловито побежал в прихожую и вернулся через минуту, держа в зубах белый носок.

– Нет, Матвей, – вздохнула Вера, – не то. Очки... – Она прошлепала босиком на кухню, оттуда в ванную.

Мотя тем временем опять рванул в коридор, вернулся, поставил лапы Вере на плечи и прямо в нос сунул ей старую кроссовку.

– Все, спасибо. Ты, конечно, молодец, но мне надо совсем не то. Ладно, если мои очки попадут тебе в зубы, им конец.

Зазвонил телефон.

– Фирма «Стар-Сервис»?

– Вы ошиблись, – буркнула Вера и, кладя трубку, увидела наконец свои очки, они лежали на телефонном столике в прихожей.

– Кажется, это польский, – задумчиво произнесла Вера, вглядываясь в крупные латинские буквы, – или чешский. Карлштейн... Слово немецкое. Но Германия ни при чем. Вроде есть такой городок под Прагой...

Телефон зазвонил опять.

– Можно попросить Антона? – На этот раз голос был женский.

– Вы ошиблись. – Она хотела повесить трубку, но услышала:

– Фирма «Стар-Сервис»?

– Девушка, никакой фирмы по этому номеру нет. Пожалуйста, вычеркните его и больше сюда не звоните.

Эти дурацкие звонки донимали Веру и ее маму вот уже третий день. Совершенно неожиданно в квартире поменяли телефонный номер, и теперь телефон заливался круглые сутки. Звонили и в полночь, и в пять утра. Какие-то Гарики, Додики, Рустамы Ибрагимовичи требовали к телефону каких-то Антонов и Денисов. Мама ругалась страшно, собиралась подать в суд на Московский телефонный узел. Однако выяснилось, что это была целая компания, по всей

Москве. Почему-то вдруг, ни с того ни с сего, в городе стали менять телефонные номера.

Вере Салтыковой незадолго до этого подвернулась переводческая «халтура». Три месяца она сидела без работы, и вот неделю назад позвонила подруга, сказала, что «Гринпис» проводит в Москве международную конференцию по глобальным вопросам экологии. Требуются переводчики со знанием английского и французского. Перед началом конференции надо перевести кучу информации, которая будет поступать по факсу со всех концов мира, а потом предстоит десять дней синхронии, по двенадцать часов в сутки. Платить должны по международным расценкам, то есть можно заработать очень приличные деньги.

Вера, конечно, согласилась, подписала контракт. И вот вчера утром ей дома установили казенный факс. Подготовительные документы посыпались в огромном количестве. Иногда среди пламенных воззваний в защиту морских млекопитающих, чистоты вод Арктики и Антарктики попадались какие-то случайные тексты о займах, кредитах, договорах и ценах на недвижимость, написанные по-русски и адресованные все той же фирме «Стар-Сервис», название коей Вера и ее мама уже не могли спокойно слышать. Номер факса был тот же, что и новый телефонный, то есть недавно он принадлежал этой злосчастной фирме. Скорее всего, «Стар-Сервис» разорилась, и теперь ее бывшие владельцы скрываются от назойливых кредиторов.

Вере Салтыковой до этого, разумеется, никакого дела не было. Она с головой ушла в работу и целый день переводила с французского и английского экологические шедевры. Впрочем, факсов, адресованных фирме «Стар-Сервис», было не так уж много.

Все еще держа в руках листок со странным текстом без адреса и обращения, написанный от руки то ли по-польски, то ли по-чешски, она зашла в ванную и повернула кран. Вместо горячей полилась ледяная вода. Вера прикоснулась к трубе радиатора. Ну конечно, с сегодняшнего утра горячую воду отключили на полтора месяца! И что же она, растяпа, не помыла вчера голову? Ладно, придется греть в кастрюлях.

Сладко зевнув, Вера бросила листок на кухонный стол, зажгла газ. Пока грелась вода, она уселась на кухонный диванчик и рассеянно перечитала латинские буквы непонятного факса. Когда-то она увлекалась графологией. На втором курсе романо-германского отделения филфака университета был даже

спецсеминар по графологии. Вел его профессор-психолог, посещение было свободным. Вера ходила на каждое занятие с удовольствием.

В наше время все реже попадаются тексты, написанные от руки. Если только чиркнет кто-нибудь телефонный номер или записку. А так, пишут на компьютерах, в крайнем случае – на пишущих машинках. Среди гор бумаг, заполненных механическим текстом, этот листочек был единственным, написанным человеческой рукой. Сначала Вера не сообразила, почему так внимательно разглядывает крупные латинские буквы, а потом поняла: писавший страшно волновался. Рука у него дрожала, но это не почерк алкоголика или больного. Тот, кто отправил факс, был здоров. Он нервничал, спешил, но при этом старался вывести каждую букву как можно тщательнее, очень хотел, чтобы его поняли. Однако почему же тогда не воспользовался компьютером и принтером? Там, где стоит факс, компьютер есть наверняка...

Содержание текста понять было несложно. Просто адрес: «Карлштейн, улица Мложека, дом 37, третий этаж. “Мокко”. Туретчина. Брунгильда». Да, действительно, Карлштейн – это маленький городок неподалеку от Праги. Пять лет назад они с мамой были в турпоездке по Чехословакии. Но что такое «Мокко»? Сорт кофе? Однако при чем здесь кофе? Может, прозвище? Почему нет имени, чей это адрес? При чем здесь «Туретчина» и «Брунгильда»? Туретчина на славянских языках – Турция. Брунгильда – героиня германского эпоса. Это похоже либо на розыгрыш, либо на шпионский шифр. Но шпионы передают информацию как-то иначе...

Вера ясно вспомнила тихий уютный городок Карлштейн. Там только частные домики, один-два этажа. Туристическую группу возили смотреть замок четырнадцатого века с известной на весь мир коллекцией готической живописи и рыцарского оружия.

Вода в двух больших кастрюлях долго не закипала. Чтобы не терять времени, прямо в ночной рубашке Вера села за письменный стол, включила компьютер и взялась за перевод. Но опять зазвонил телефон.

– Да! – рывкнула она в трубку.

– Доброе утро, Веруша...

От одного звука этого мягкого баритона у Веры вздрогнуло сердце.

– Здравствуй, Стас, – как можно спокойнее ответила она.

– Как дела? Как мама? – быстро спросил баритон.

– Спасибо, нормально. – Вера старалась, чтобы в ее голосе звучали ледяные нотки, но голос предательски дрожал.

– Ты не могла бы уделить мне пару часов?

– Нет, прости, я очень занята.

Вера подумала, что надо положить трубку сию же минуту, и вообще класть ее молча всякий раз, когда из нее раздается этот приятный баритон. А еще лучше – сказать: «Стас Зелинский, будь так любезен, не звони мне больше никогда».

Но ведь она сама позавчера позвонила ему и продиктовала на автоответчик свой новый телефонный номер. Сама!

– Ну хотя бы час. Я приеду к тебе, когда скажешь, Верочка, выручи меня в последний раз, очень тебя прошу. Ты же знаешь...

Она знала: ему надо опять что-нибудь перевести, написать пару страниц дурацкого текста по-французски или по-английски, позвонить за границу, торговаться с каким-нибудь финном о поставке партии бумаги. Ему всегда что-то такое от нее надо, и он не стесняется.

– Когда ты заведешь себе секретаршу или женишься на женщине, которая владеет хотя бы одним иностранным языком? – тихо спросила Вера.

– Ну не злись, Веруша, солнышко, ты же умница, и вообще, я так соскучился.

– У меня очень много работы. Я занята. – Голос ее дрожал, она взглянула в зеркало над телефонным столиком и заметила, что щеки горят.

«Дура несчастная, размазня! – мысленно обратилась она к своему лохматому, неумытому отражению. – Ну пошли его наконец! Пусть катится как можно дальше. Есть у тебя хоть капля человеческого достоинства?»

– Ладно, так и быть, можешь приезжать. Через час. Нет, через два, – отрывисто проговорила она, с ненавистью глядя в глаза своему отражению.

Положив трубку, она побежала на кухню, выключила газ под кипящими кастрюлями, ринулась в ванную, расплескивая кипятком, чуть не обварила себе ноги.

Мыться, сидя на корточках в холодной ванне и поливая себя теплой водой из ковшика, очень неудобно. В прихожей опять зазвонил телефон, пена шампуня попала в глаза, Мотя стал скрести лапой дверь, жалобно завыл. Во дворе запускали петарды. Пес панически боялся этого грохота и каждый раз прятался именно в ванной. Ванная для него была чем-то вроде бомбоубежища.

Дрожа от холода, Вера закуталась в махровый халат, открыла дверь,пустила Мотю. Со двора послышался очередной залп. Пес в ужасе вскочил в ванную, столкнул на пол пластмассовое ведро с остатками теплой воды. Вера кинулась вытирать. В старом доме совсем сгнили перекрытия, соседи без конца протекали друг на друга. Даже если кто-то наверху мыл пол, внизу на потолке проступали влажные серые пятна. Под двухкомнатной квартирой Веры и ее мамы жила вредная тетка, которая за каждое пятнышко на потолке требовала, чтобы ей оплатили европейский ремонт.

«Будет ужасный день, – подумала Вера, вытирая воду, – и вообще все у меня ужасно. Совсем скоро мне стукнет тридцать. У меня нет ни мужа, ни детей, ни постоянной работы. За этот месяц я поправилась на два килограмма. Собственное отражение в зеркале вызывает тоску и оскормину».

Вера распрямилась, откинула мокрые волосы с лица и скорчила самой себе гнусную гримасу.

– Ну, давай, старайся, приводи себя в порядок, ври самой себе, будто ему важно, как ты выглядишь, будто он видит в тебе особь женского пола! Ты для него – толстый словарь, стационарный компьютер, который можно включить и выключить, когда вздумается.

В детстве Веру дразнили «ватрушкой». Она была полненькая, маленькая, со светло-желтыми волосами и бледно-голубыми глазами. Брови и ресницы тоже были совсем светлые, от этого ее круглое мягкое лицо ей самой казалось каким-то хлебобулочным, похожим на ватрушку. Кожа у нее была очень белая, нежная, чувствительная и к солнцу, и к ветру. На морозе ее маленький, чуть вздернутый носик моментально краснел, на солнце тоже краснел, обгорал и шелушился. Стоило хоть немного занервничать, и тут же щеки заливались жгучим румянцем. Если она плакала, даже совсем немного, то потом весь день ходила с воспаленными, опухшими глазами.

Каждое ее чувство сразу отражалось на лице. Она не могла ни соврать, ни притвориться. Если она огорчалась, лицо ее непроизвольно вытягивалось, уголки губ сами собой ползли вниз. Когда радовалась, глаза ее становились ярко-голубыми, сверкали, рот растягивался в счастливой щенячьей улыбке, щеки нежно розовели. Она знала это свое дурацкое свойство, но ничего поделать с лицом не могла.

С семи лет Вера носила очки, которые совершенно не шли ей, уменьшали и без того небольшие глаза, делали ее совсем скучной и неженственной. Беленькая пухленькая отличница, мамина дочка, пай-девочка, всегда чистенькая, тихонькая, безотказная...

В двенадцать лет Вера пыталась морить себя голодом. Ей хотелось стать тонкой, воздушной, неземной. Целый день она ничего не ела.

Чтобы не обсуждать эту болезненную проблему с мамой, она, вернувшись из школы, разогревала себе суп, наливала в тарелку, потом аккуратно выливала в унитаз, тарелку и половник мыла и оставляла в сушилке.

– Верочка, ты пообедала? – спрашивала мама каждый раз, возвращаясь с работы.

– Конечно, – отвечала дочь, отворачивалась и заливалась горячим румянцем.

Ночью Вера, крадучись, пробиралась на кухню и съедала несколько толстых кусков колбасы, мазала маслом белый хлеб, стоя у холодильника и презирая себя до слез. Чтобы утешиться, она отправляла в рот полдюжины шоколадных конфет.

Шоколада в доме всегда было много. Мама, детский врач, участковый терапевт, получала в качестве подарков на все праздники исключительно шоколадные наборы.

У отца была другая семья. Верой он не интересовался. Мама работала на полторы ставки, и девочка была с семи лет предоставлена самой себе. Она росла самостоятельной, обязательной, очень аккуратной. Не ребенок, а чудо. К тому же с первого класса школы до последнего курса университета училась Вера на одни пятерки.

Когда начался период жгучих школьных романов, вечеринок при погашенном свете, Вера вообще перестала есть, даже по ночам. Ей действительно удалось немного похудеть, она была счастлива, пока однажды на контрольной по геометрии не упала в обморок.

– Ты никогда не будешь худой, Веруша. Смирись и не мучай себя, – сказала ей мама.

Одним из счастливых свойств Вериного характера было умение быстро забывать все неприятное. Она легко мирилась и с собственными внутренними проблемами, и с внешними обидами. Она вообще не умела обижаться – ни на людей, ни на природу, которая создала ее пухленькой, а не тонкой-звонкой. Настроение ее могло измениться в один миг из-за какой-нибудь мелочи. Например, дождик теплый пошел или, наоборот, кончился, солнце выглянуло, два щенка, черный и белый, смешно гоняются друг за другом во дворе, по радио вдруг зазвучала песенка «Битлз» или старинный русский романс в хорошем исполнении.

Ко всему прочему, Верочка с десяти лет писала стихи. До четырнадцати она их не показывала никому, только маме. И вот однажды мама потихоньку от нее отнесла несколько стихотворений в популярный молодежный журнал. Маме сказали, что у девочки есть кое-какие способности, стихи не напечатали, но Верочку пригласили в литературное объединение при журнале.

Теперь раз в неделю она приходила вечером в редакцию, где в зале заседаний собирались мрачные длинноволосые или бритые наголо молодые люди, надменные барышни в широких свитерах, пожилые сумасшедшие гении обоего пола.

Возглавлял литобъединение известный советский поэт, добродушный, сильно пьющий, с крайне запутанной личной жизнью и парой тоненьких сборничков лирики. Сборнички были изданы давно, в конце шестидесятых. Никто бы не заметил этих двух книжек, если бы не хлесткий фельетон партийного критика, опубликованный в газете «Правда». Поэт был объявлен чуть ли не запрещенным, встал в почетные ряды пострадавших от советской власти и тут же прославился на многие годы вперед. Даже стихов ему писать с тех пор не надо было. Он и не писал.

На занятиях обсуждалась какая-нибудь очередная поэма или подборка стихов. Каждый слушал только себя. Каждый приходил для того, чтобы раз в три месяца «обсудиться». Это была болезненная словесная эквилибристика, взрослые люди тратили вечера и силы на восхваление, а чаще – на уничтожение витиеватых, пустых опусов, спорили о каждой строке, издевались друг над другом с изысканным садо-мазохистским кайфом.

Пятнадцатилетняя Верочка Салтыкова была самой юной и незаметной из всех завсегдатаев литобъединения. Надменные барышни с сигаретками в зубах снисходительно называли ее «деточка», молодые люди вообще не смотрели в ее сторону. Но она чувствовала себя причастной к чему-то значительному, возвышенно-духовному. Творения непризнанных гениев казались ей действительно гениальными, злобные взаимные подколки членов литобъединения она воспринимала как образцы утонченности мысли, шедевры остроумия.

До обсуждения Верочкиных детских стихотворений очередь, к счастью, так и не дошла...

Один из завсегдатаев ЛИТО, двадцатитрехлетний студент Полиграфического института, пригласил небольшую компанию к себе на дачу. Стоял очень теплый май.

– И ты, малышка, давай с нами! – сказал он, мельком взглянув на розовое, круглое личико под желтой челкой.

– Я только позвоню маме!

– Тебя кто-нибудь потом проводит домой? – спросила мама по телефону.

– Конечно, мамуль, не волнуйся.

Надежда Павловна действительно не слишком волновалась. Ей, детскому врачу, человеку, далекому от прилитературной среды, все эти сложные непризнанные гении представлялись людьми чистыми, высокодуховными и абсолютно порядочными.

Пустая двухэтажная дача находилась в пятидесяти километрах от Москвы. В электричке Вера смотрела в окно, прислушивалась к разговорам, в которых Пушкина панибратски именовали Сашей, Лермонтова – Мишей, Мандельштама – Осей, Пастернака – Борей и так далее, словно все реальные гении русской поэзии были своими людьми в этом склочном табунке.

В саду на деревянном столе стояла пятилитровая бутылка мутного самогона. Вера, ни разу в жизни не бравшая в рот спиртного, залпом, зажмурившись, выпила почти полный стакан, любезно предложенный ей наравне со всеми. Ее никто не остановил. Проглотив жгучую гадость, она небрежно вытянула сигарету из чьей-то пачки и закурила. Ей хотелось быть, как они, бесшабашно-утонченной, искушенной, сложной.

Еды на столе было мало, только хлеб, плавленые сырки и толстые куски одесской колбасы. Вера выпила еще полстакана самогона, не закусывая.

Потом был сплошной тошнотворный туман, стремительное головокружение. Она запомнила только бреньканье расстроенного фортепиано на темной веранде, мутные пятна смеющихся лиц, какой-то самолетный гул в ушах.

Очнулась она от резкой боли в паху и собственного крика. Открыв глаза, она увидела над собой бородатое чужое лицо, успела подумать, что совершенно голый человек с бородой выглядит как-то особенно дико и непристойно. Прежде чем что-либо сообразить, она изо всех сил вмазала своим маленьким кулачком по этой темной бороде и только потом узнала хозяина дачи, Стаса Зелинского.

– Я люблю тебя, не бойся, все хорошо, не бойся, – шептал он, пытаясь поймать ее руки.

Она вырвалась, дрожа и захлебываясь слезами, стала искать свою одежду в темноте на полу. Он тоже стал одеваться, бормоча, что влюбился в нее с первого взгляда, жить без нее не может и теперь они вовек не расстанутся.

До первой электрички осталось полтора часа. В доме было тихо, гости то ли разъехались, то ли заснули. Зелинский плелся за ней на станцию, продолжая бормотать признания и извинения. Он ни разу не обратился к ней по имени, и Вера поняла, что он даже не помнит, как ее зовут.

Но самое ужасное заключалось в том, что из всех завсегдатаев литобъединения именно на этого бородатого Стаса Верочка заглядывалась с первого занятия. Не то чтобы он ей нравился, просто хотелось на него смотреть. Он считался в поэтическом табунке самым талантливым, и собой был недурен, и умел говорить хлестко, смешно, почти афоризмами.

Всю дорогу до Москвы Верочка молчала, старалась не встретиться глазами со своим протрезвевшим жалким провожатым. Когда они вышли из метро, он попросил у нее телефон.

– У женщины в твоём возрасте уже должен быть мужчина, – сказал он, – рано или поздно это все равно бы произошло. Если не я, так кто-то другой... Так почему не я? Ты мне действительно очень нравишься, и все случилось не по пьяни. Ты похожа на рембрандтского херувима, у нас все будет хорошо.

Она тогда не дала ему номера телефона, вошла в подъезд, тихонько прикрыла за собой дверь. Он остался стоять на улице.

Выйдя из лифта, Вера взглянула в окно на лестничной площадке и обнаружила, что он так и стоит у подъезда, курит и, задрав бородатое лицо, глядит вверх.

«А может, он и вправду полюбил меня? – подумала она. – Я ведь не знаю, как это должно происходить на самом деле...»

– Интересно тебе было? – спросила мама за завтраком. – Я, честно говоря, стала волноваться. Ты ведь впервые не ночевала дома.

– Да, мамуль, было очень интересно, – ответила Верочка, отвернувшись и густо покраснела.

– Много было народу?

– Человек десять, – пожала плечами Вера.

– Чем же вы там занимались всю ночь? Стихи читали?

– Да, стихи... – эхом отозвалась дочь. «Наверное, Верочке кто-то очень нравится из этих талантливых молодых людей. Хорошо, что девочка сразу попала в интеллигентную среду и нет возле нее жутких дворовых компаний», – подумала мама и не стала больше задавать вопросов.

На следующий день, возвращаясь из школы, Верочка увидела у своего подъезда Стаса Зелинского с белой гвоздикой в руке.

– Вот видишь, я уже по тебе соскучился, – сообщил он и, наклонившись, нежно поцеловал ее в щеку. – Ты что-нибудь рассказала родителям?

– У меня только мама, я ничего ей не говорила...

– Умница, – он еще раз поцеловал ее. На этот раз она продиктовала ему свой телефонный номер.

Ни у кого из одноклассниц не было романа с таким взрослым двадцатитрехлетним молодым человеком. Вере было жутковато и приятно, когда он встречал ее у школы.

– Ну ты даешь, Ватрушка! – качали головами одноклассницы.

Верочка сама не заметила, как по уши влюбилась в Зелинского. Если он исчезал на несколько дней, она не находила себе места. Но он появлялся, вел к себе домой. У него была комната в коммуналке на Самотеке, доставшаяся от бабушки. Он жил там один, отдельно от родителей.

Попадая в прокуренную пыльную клетушку, Вера прежде всего наводила там чистоту, мыла посуду в общей раковине на коммунальной кухне, подметала пол, стирала в тазу в общей ванной рубашки своего драгоценного Стаса. Потом готовила какую-нибудь еду. После тихого совместного ужина он не спеша, лениво, притягивал ее к себе, целовал, раздевал. У нее кружилась голова от прикосновений его больших теплых рук, от звука его голоса.

Потом он провожал ее домой. С мамой знакомиться не хотел, со своими родителями тоже не знакомил.

Через год, после очередной уборки, ужина и порции любви, он закурил и, глядя в потолок, с какой-то глупой ухмылкой произнес:

– Ты, Верочка, можешь меня поздравить. Я женюсь.

– Поздравляю, – натягивая колготки, машинально ответила Вера.

Он посмотрел на часы и добавил:

– Ты знаешь, сегодня в девять ко мне придут, а сейчас половина девятого...

Вера ничего не ответила, быстро оделась и выбежала вон. Она бежала по вечерним улицам, и ей казалось, что жизнь кончена, ничего хорошего больше не будет.

Женитьба Зелинского, впрочем, оказалась весьма кстати. Вера заканчивала десятый класс, надо было поступать в институт. Теперь ничто не отвлекало ее от экзаменов. С первой попытки она поступила на филфак университета.

Но через год Стас развелся, и опять появилась в Верочкиной жизни грязная комната в коммуналке на Самотеке... Потом он женился, разводился, находил и терял работу, нищал, богател, менял любовниц, заводил детей, бросал их, платил алименты.

Всякий раз, когда ему было худо или когда между женами и любовницами получался перерыв, он звонил Вере. Она приходила, мыла посуду, стирала белье, готовила еду, ложилась с ним в постель. Если в ее жизни появлялись другие

мужчины, Зелинский тут же возникал призраком на горизонте, распушал хвост, говорил нежные слова. Презирая себя, Вера забывала обо всем и снова мыла, стирала, готовила, ложилась в постель.

Какой-нибудь дошлый психоаналитик углядел бы в этих отношениях жуткий, утробный садо-мазохистский подтекст. Но Верочка не посещала психоаналитиков. Даже маме она почти ничего не рассказывала. Конечно, за эти годы Надежда Павловна имела честь познакомиться с Зелинским. Но не могла спокойно слышать его имени, не подзывала дочь к телефону, когда он звонил.

Дело было в том, что Верочка нежно и преданно любила его, только его одного, и никто другой ей не был нужен.

Единственному человеку, самой близкой своей подруге Тане Соковниной она рассказала все, как было. Еще тогда, в девятом классе.

– Он ведь изнасиловал тебя! – всплеснула руками Таня. – Он скотина последняя, и все они там – скоты, ублюдки, ненавижу!

– А вдруг он меня все-таки хоть немного... – Верочка запнулась и покраснела, – хоть немного любит?

– Знаешь что, – внимательно глядя в ее круглое личико, сказала Таня уже мягче, – давай не будем воспринимать это ни как трагедию, ни как великую любовь. Ну случилось, и ладно. Первый твой женский опыт, пусть не самый романтический, но опыт.

Потом, в двадцать, Таня говорила:

– Он разобьет тебе жизнь, на твоём месте любая нормальная баба послала бы его ко всем чертям давным-давно.

И сейчас, в тридцать, Верочка слышала от своей ближайшей подруги:

– Зелинский – скотина, бесчувственное животное...

В общем, она и сама это понимала. Она давно знала ему цену, но ничего не могла с собой поделать. На самом доньшке ее души жила слабенькая шальная надежда: а может быть, он и правда любит меня? Просто он такой сложный, непредсказуемый, ни на кого не похожий... Ей было стыдно признаться даже самой себе в том, что эта глупая надежда все еще жила.

Сейчас, стоя перед зеркалом, она ругала себя последними словами за то, что подкрашивает ресницы, обводит губы контурным карандашом, пудрится. Она даже решила не завтракать до его прихода. Все равно ведь придется поить его кофе.

Потом она ужасно долго одевалась. Натянула джинсы и майку, повертелась перед зеркалом, джинсы поменяла на длинную пеструю юбку. Ей хотелось выглядеть небрежно, по-домашнему, чтобы он не заметил ее стараний.

– Он и так не заметит, – усмехнулась Вера, опять влезая в джинсы и меняя майку на длинный тонкий свитер.

Все это время нестерпимо громко гавкал Мотя. Пес считал, что она одевается исключительно ради прогулки с ним. Он только не мог понять, почему так долго, и был искренне возмущен.

Наконец, пристегнув поводок, она отправилась с Мотей во двор. Шел мелкий грибной дождь, мягкое майское солнце проглядывало сквозь свежую листву тополей, сверкали капли дождя, маленькая, едва заметная радуга стояла вдалеке над крышами соседнего переулка.

«Сегодня я наконец распрощаюсь с ним, – думала Вера, – я скажу ему что-нибудь обидное, унижительное. Сегодня я увижу его в последний раз, и все. Пусть катится. А потом мне некогда будет страдать и рефлексировать. Я буду очень занята, заработаю много денег, поеду с мамой на море...»

Через полчаса Зелинский явился. Как всегда – ни цветочка, ни шоколадки, только дежурный поцелуй в щеку и папка с двумя страничками очередной рекламной мути, которую надо перевести на английский.

– Ты зажаришь для меня твой фирменный омлет с черными гренками и помидорами? Я специально не завтракал.

Она зажарила омлет, потом сварила кофе. Потом перевела на английский пламенные тирады о волшебных свойствах новой косметической серии российской фирмы «Дива».

– Стас, неужели американцы покупают нашу косметику?

– Наверное, да, – пожал он плечами, – по-моему, это чистой воды авантюра. Но мне по фигу. Мне заказали буклеты.

Стас работал в маленьком издательстве, которое печатало всякие рекламные брошюры, гороскопы, книжечки о тайнах сексуальной совместимости, о чудодейственных диетах и гимнастике, настенные календари с голыми девицами. Владелец был его приятель, а он сам – единственным сотрудником. По сути дела Вера Салтыкова тоже работала в этом издательстве. Она без конца что-то переводила, вела переговоры по телефону, когда надо было это делать на английском. Телефонные счета она отдавала Зелинскому, он оплачивал. А за свой труд она из рук драгоценного Стаса не получала ни копейки. Она привыкла за пятнадцать лет делать для него все бескорыстно и с радостью.

Когда она закончила перевод и протянула ему отпечатанные на принтере странички английского текста, он спросил:

– Мама во сколько вернется?

– В пять. – Верочка посмотрела на часы, потом на Зелинского. – Знаешь что, Стас, я хотела тебе сказать...

Но он уже подошел вплотную, его руки нырнули под свободный свитер и ловко расстегнули лифчик.

– Я хотела тебе сказать, что больше не...

– Да, Верочка, я тебя внимательно слушаю, – и он зажал ей рот своими тонкими, сухими губами.

От его жесткой бороды на Верочкиной нежной коже иногда появлялась неприятная краснота. Раздражение долго потом не проходило.

Глава третья

Илья Андреевич Головкин попал под дождь в новом костюме. Он вообще терпеть не мог дождь, а тут еще зонтик забыл.

Когда Илья Андреевич обнаружил, что темно-синий пиджак линяет и на воротнике белоснежной рубашки появились омерзительные голубые разводы, ему захотелось завывать от тоски. Он упорно убеждал себя, что выть ему хочется именно из-за этих дурацких разводов, из-за того, что бирка на красивом пиджаке «Made in England» оказалась поддельной, как и весь костюм, такой элегантный, темно-синий, в редкую тонкую полосочку...

Эти разводы он заметил в зеркале в дешевой пиццерии, куда зашел поесть. Он уже больше месяца не разговаривал с женой. Когда они ссорились, а случалось это в последнее время часто, Раиса Федоровна переставала покупать продукты и готовить, сама ела где придется, но зато и «этот стервец», муж ее Илья Андреевич, вынужден был питаться в дешевых забегаловках.

Средства вполне позволяли Головкину пообедать и поужинать в хорошем ресторане. И костюм он мог бы приобрести не на вьетнамской барахолке в Лужниках, а в приличном магазине. При желании он мог бы давно уже не пользоваться городским транспортом, а ездить если не на «Мерседесе», то хотя бы на «Жигулях».

Нельзя сказать, что Илье Андреевичу было приятно каждое утро в час «пик» втискиваться в переполненный вагон метро, гусиным шагом в душной сонной толпе пробираться к эскалатору на переходе, где кто-нибудь обязательно толкнет, пнет, обматерит.

Разумеется, ничего приятного не было и в должности начальника отдела снабжения маленькой макаронной фабрики. Но вот уже двадцать лет Илья Андреевич занимал эту странную и, в общем, довольно хлопотную должность. И жить он старался «по средствам», но не по тем, которые имел на самом деле. О реальных доходах скромного снабженца не догадывался никто, даже жена. Скучный быт семьи Головкиных соответствовал доходам Раисы Федоровны,

учительницы труда в школе, и Ильи Андреевича, начальника отдела снабжения макаронной фабрики.

Каким чудом сохранилась нищая грязная фабричка в укромном переулке в Сокольниках, никто не знал. Макароны, которые она производила на ржавом довоенном оборудовании по устаревшим технологиям, давно никто не покупал. Развесная лапша и вермишель десятилетней давности плесневела на складах магазинов в глубинке, иногда ее пускали на корм скоту, но чаще кормили ею заключенных в тюрьмах и лагерях, солдат в армии и детей в детских домах.

Мрачное, полуразвалившееся здание было построено в середине прошлого века немцем-кондитером. Когда-то здесь вручную пеклись вкуснейшие пирожные, воздушное печенье птифур, отливались глянцевые шоколадные «бомбы», внутри которых были замурованы крошечные фарфоровые зайчики с розовыми ушками, куколочки в балетных пачках, белые медвежата. Все это напрямик из Сокольников отправлялось каждое утро в знаменитый гастроном Елисеева, в булочную Филиппова. Рассыльные в элегантной униформе развозили по всей Москве заказные огромные торты. Высокие, причудливо разукрашенные коробки в пышных бантах они держали на вытянутых руках, торжественно, осторожно, ибо каждый такой торт был неповторимым произведением кондитерского искусства.

Для себя немец выстроил двухэтажный пряничный домик с широкой винтовой лестницей внутри.

После революции потомки кондитера эмигрировали, фабричка была объявлена народным достоянием и стала вместо кондитерских изысков производить серые макаронные изделия для голодных трудящихся.

В пряничном домике разместились бухгалтерия, отдел кадров, партком, фабком и прочая администрация. Пожилая секретарша нынешнего директора, натура тонкая и впечатлительная, любила рассказывать шепотом, как поздними вечерами бродит по гулкой винтовой лестнице прозрачное привидение, немец-кондитер в белой рубашке до пят, в ночном колпаке с кисточкой, и его страшное лицо подсвечено снизу дрожащим огоньком сальной свечи. Никто ей, конечно, не верил, но допоздна в пустом административном здании старались не засиживаться.

Впрочем, в последние годы администрации фабрики и днем делать было нечего. Бухгалтерия и плановый отдел, полдюжины пожилых женщин с трудными судьбами, гоняли чаи, обсуждали мексиканские телесериалы, недостатки своих зятьев и невесток, рост цен и преступности.

Войдя в свой маленький кабинет, все еще украшенный портретом Ленина и почетными грамотами в деревянных рамках, Головкин первым делом снял пиджак, брезгливо осмотрел полинявший ворот. Даже на пальцах остались мерзкие голубоватые пятна.

– Вот ведь дрянь какая, – пробормотал он себе под нос, повесил пиджак на плечики, надел синий сатиновый халат и уселся за стол.

Позавчера вечером, наглотавшись снотворного в купе поезда Прага – Москва, засыпая тяжелым, нездоровым сном, он сказал себе: «Потом. Все потом. Я отдохну после безумной гонки, приду в себя и попробую спокойно обдумать ситуацию».

Потом он ехал еще день, до вечера, и вроде было у него время подумать. Но соседи по купе громко разговаривали, играли в карты, настойчиво предлагали ему выпить. Он убеждал себя, что это мешает думать, что в такой обстановке невозможно сосредоточиться, но уже ясно понимал: вранье, отговорки.

Вариантов нет, думай не думай, хоть мозги вывихни, на этот раз нет никаких вариантов.

Выйдя из поезда в Москве на Белорусском вокзале, он продолжал малодушно врать себе, что дома он тоже не сумеет собраться с мыслями. Мрачное, нервное молчание жены не даст ему сосредоточиться. И действительно, за две недели, пока он был в Праге, дома ничего не изменилось. Жена продолжала свой демонстративный бойкот, холодильник был пуст.

Илья Андреевич опять выпил сильное снотворное и забылся тяжелым сном. Проснулся он рано, по дороге на работу позавтракал в пиццерии и опять сказал себе, что вот наконец сейчас, заперевшись в своем тихом уютном кабинете, он сумеет сосредоточиться. Выход должен быть. Надо только как следует пошевелить мозгами.

Но, когда он остался один и ничего уже не мешало шевелить мозгами, ему вдруг почудилось, что в окошко кабинета за ним неотрывно следят, наблюдают и видят не только выражение его лица, но даже мысли могут прочитать.

Паника, которая жила в нем все эти дни, поднялась в душе новой тошнотворной волной. Илья Андреевич считал себя человеком трезвым, разумным, крайне осторожным. И не мог понять, почему на пятьдесят седьмом году жизни, пройдя огонь и воды, выбравшись живым и невредимым из самых немыслимых передряг, он умудрился так смертельно вляпаться.

* * *

Антону Курбатову приснился совершенно идиотский сон. Сны ему вообще снились редко, и были они обычно какие-то мутные, черно-белые, бессмысленные. Просыпаясь, он уже ничего не помнил. А тут – вскочил среди ночи в холодном поту, стал хлопать глазами в темноте.

Рядом, приоткрыв рот и по-детски положив ладонь под щеку, крепко спала Оля. Из шикарных Галюшиных хором пришлось перебраться сюда, в однокомнатную Ольгину квартирку в Чертанове. Сановный Галин супруг вернулся из Стокгольма. А у Ольги никакого супруга не было. Клетушка в Чертанове и ее тридцатипятилетняя хозяйка всегда были к услугам Антона. В любое время суток он мог заявиться сюда и жить, сколько захочется. Но Антон старался не злоупотреблять Ольгиным гостеприимством. Одинокая независимая дама, врач-уролог, кандидат наук, Ольга Тихонова больше всего на свете хотела стать женой красивого, легкомысленного предпринимателя Антона Курбатова, который был младше ее на четыре года и к семейной жизни совершенно не пригоден.

Как женщина умная и тактичная, Ольга никогда не заводила разговоров о браке напрямую. Но она постоянно намекала, мягко, тонко, как бы между прочим. Однако для свободолюбивого Антона этих намеков было вполне достаточно, чтобы появляться в Чертанове редко и не задерживаться надолго.

Стараясь не разбудить Ольгу, он тихонько вылез из-под одеяла, накинул на голое тело махровый Ольгин халат, висевший на стуле, отправился на кухню, зажег маленькое бра под соломенным абажуром, налил в кружку воды из холодного чайника, выпил залпом, уселся на широкую деревянную лавку и

закурил.

Идиотский сон не выходил из головы. Он был такой яркий и конкретный, что Антона даже познабливать стало от ужаса. Ему приснилось, будто они с Дениской несутся по старой Праге, по знакомым улицам. Бежать тяжело, ноги во сне кажутся ватными, не слушаются, но за ними гонится кто-то страшный, с черными провалами вместо глаз. Антону хотелось закричать, позвать на помощь, но вместо крика получался какой-то беззвучный хрип. А Денис отставал, без конца спотыкался и вдруг исчез совсем. Антон оглянулся, а брата нет рядом. Во сне Антону показалось, что брата вообще больше нет, никогда не будет.

– Чушь, фигня какая-то, – сказал он себе вслух и подошел к окну.

Уже светало. С высоты тринадцатого этажа все казалось маленьким, игрушечным. Стандартное четырехэтажное здание школы выглядело белым кубиком, качели и домики детской площадки напоминали детали пластмассового конструктора.

Коробки новостроек уходили вдаль, в бесконечность, и зыбкий пасмурный рассвет делал их призрачными, нереальными, будто кто-то расчертил пространство на аккуратные прямоугольники, а на самом деле нет там никаких домов, никаких людей, просто черно-белый плоский рисунок.

На Антона вдруг накатило ощущение пустоты и одиночества. Он вспомнил, как в детстве его одного отправили на месяц в Болгарию, в детский санаторий на берегу Черного моря. Денис сломал ногу, у него был какой-то сложный двойной перелом, и он весь месяц лежал в больнице в Праге. Антону было семь, Денису шесть. Ни до этого месяца, ни после братья не расставались так надолго.

Антону в санатории не нравилось. Ему было одиноко и неуютно. Там отдыхало много детей из России, но он не мог ни с кем подружиться. Многие часы он проводил, стоя у высокого забора, втиснув лицо между металлическими прутьями и глядя на небольшое кукурузное поле, которое шло по обеим сторонам шоссе. И вот однажды он увидел, как бежит по шоссе мальчик лет шести, худой, маленький, с темно-русый ежиком волос. Он даже закричал: «Дениска!», стал протискиваться сквозь прутья забора. Мальчик подбежал ближе, засмеялся, крикнул что-то по-болгарски. Это, конечно, был не Дениска.

Чувство обманутости, брошенности, безнадежного сиротства долго потом не проходило. Оно так и осталось в нем на всю жизнь, где-то на самом доньшке души. Когда у него, взрослого, бесшабашного, независимого, случались серьезные неприятности, а брата рядом не было, он опять на несколько минут превращался в семилетнего Антошку, втиснувшего лицо между прутьями забора и глядящего на кукурузное поле...

Он докурил до фильтра, поеживаясь, вернулся в комнату, нырнул под одеяло, прижался лбом к Ольгиному теплему плечу. Она что-то пробормотала во сне, повернулась, обняла его за шею.

«А может, и правда жениться на ней? – неожиданно подумал он. – Из нее выйдет отличная жена».

Но он тут же отогнал от себя эту дурацкую мысль и удивился, как сильно подействовал на него странный противный сон. Он ведь никогда не был суеверным, плевал на всякие приметы, предчувствия. Это Дениска верил в интуицию, в сны, в прочую мистическую муть.

Антон сам не заметил, как заснул. Никаких кошмаров ему больше не снилось. Проснулся он от телефонного звонка. Телефон стоял на ковре у тахты. Ольга, не открывая глаз, нащупала трубку.

– Да, здравствуйте, Ксения Анатольевна. – Она вопросительно уставилась на Антона. Он молча кивнул и взял трубку.

– Мама? Доброе утро.

Он не успел удивиться, каким образом мать разыскала его здесь, откуда узнала Ольгин телефон. Лицо его сильно побледнело, голова закружилась.

– Да, мама. Я сейчас приеду, – проговорил он совершенно белыми губами, положил трубку, вскочил с кровати, заметался по комнате, подбирая разбросанную по ковру одежду.

– Что случилось? – тихо спросила Ольга.

– Чушь какая-то! – закричал он ей в лицо. – Этого не может быть! Ты слышишь?! Этого быть не может!

– Антон, в чем дело?

– Какие-то идиоты позвонили, говорят, будто Дениска... Будто его...

– Что? – не поняла Ольга. – Объясни толком...

Но он уже вылетел вон, забыв зашнуровать кроссовки.

* * *

Невысокая прямая фигура появилась перед Ильей Андреевичем так неожиданно, что он даже не успел испугаться. Да и поздно было пугаться. Он знал: стоит ему сейчас рыпнуться, сделать любое резкое движение, и ему в грудь упрется темное пистолетное дуло или тонкое сверкающее лезвие финки.

Прохожих в переулке было мало, но все-таки были. Колченогая бабка с авоськой просеменила мимо, два подростка в широких приспущенных штанах промчались на роликах, молодая мамаша медленно катила коляску. Были люди вокруг, все-таки город, не пустыня, и время не позднее – семь часов вечера. Но Илья Андреевич знал: если что, не успеет он пикнуть, позвать на помощь.

Человек, стоящий вплотную к нему, убивал сразу, с первого удара. Ему даже оружие не требовалось для этого. Он владел моментальными смертельными приемами всяких сложных восточных единоборств.

Кличка Сквозняк появилась у него еще в детстве и прикипела, вероятно, на всю жизнь. Казалось, этот человек может проходить сквозь стены, возникать ниоткуда и исчезать в никуда.

Однажды Илья Андреевич стал случайным свидетелем разборки. Молодой бандит подозревался в воровстве у своих. Сквозняку кто-то стукнул, будто этот парень притырил по-тихому перстень с изумрудом, взятый среди прочих вещей в ограбленной квартире. До тех пор пока Сквозняк не выяснил правду, он и пальцем не шевельнул, стоял, заложив руки за спину, смотрел, как двое

бандитов не без удовольствия обыскивают своего собрата.

Перстень был найден у парня в ботинке. Сквозняк совсем легко и незаметно саданул ребром ладони парнишку в живот. Удар со стороны даже не казался ударом, никто не успел понять, что произошло. Илья Андреевич стоял совсем близко, ему почудилось, будто быстрый ледяной ветерок пробежал по комнате.

Парнишка скорчился, лицо его приобрело смертельный синеватый оттенок. Он умер не сразу, а только через десять дней в больнице. У него была отбита печень, и врачи не смогли его спасти.

А перстенок оказался подделкой – дешевый желтый металл, зеленая стекляшка.

– Давай отойдем куда-нибудь, – прошептал Головкин, – а хочешь, можно вон в то кафе.

– Давай, – спокойно кивнул Сквозняк, – можно и в кафе.

Шагая с ним рядом по переулку, Илья Андреевич честно признался себе, что опять тянет время, каждая минутка сейчас на вес золота, а сколько этих минуток ему осталось – неизвестно.

В маленьком кафе не было ни одного посетителя. Они сели за столик у окна. Молоденькая официантка в туфлях на метровой «платформе» приветливо улыбнулась:

– Добрый вечер. Что будем кушать?

Илья Андреевич подумал, что вряд ли сможет сейчас есть. А вот выпить не мешает. Конечно, надо выпить. Водки.

– Нам, пожалуйста, водки, – сказал Сквозняк. Илью Андреевича передернуло, словно этот человек мог читать его мысли. Ведь сам Сквозняк водку не пил. Он вообще не употреблял спиртного.

– А на закусочку? – ласково спросила официантка.

– Салат, рыба, – пожал плечами Сквозняк, – принесите что-нибудь легкое, на ваш вкус.

– А горячее? – Девушка выжидательно переводила взгляд с молодого симпатичного посетителя на маленького, кругленького, какого-то нервного старикана.

– Да-да! – спохватился Илья Андреевич. – Мне цыпленка табака, пожалуйста.

С горячим они просидят здесь дольше, хоть немного дольше...

– Цыпленка нет, – вздохнула официантка, – возьмите котлетку по-киевски, очень советую...

От слова «котлетка» у Ильи Андреевича немного потеплело на душе. Слово это было такое мирное, уютное...

– Да, мне котлетку, – радостно закивал он.

– А вам? – Девушка кокетливо склонила голову набок и довольно откровенно улыбнулась, глядя на молодого симпатичного.

Сквозняк всегда нравился женщинам. В его облике причудливо сочетались интеллигентность и вкрадчивая мощь, мягкая мужественность. Разумеется, интеллигентность была лишь обманчивой внешней оболочкой, за которой скрывался холодный, лютый зверь.

Илья Андреевич, как человек наблюдательный, заметил невинное кокетство молоденькой официантки и усмехнулся про себя: «Знала бы ты, детка, кому глазки строишь...»

Головкин опять пытался побороть внутреннюю панику, цепляясь за всякую мелочь, застревая на незначительных деталях. Все это были живые детали, они как бы отдаляли неминуемую развязку, создавали иллюзорную преграду между жизнью и небытием.

– Спасибо, девушка, мне горячего не надо. И водки принесите только для него. А мне апельсиновый сок, – говорил между тем Сквозняк.

– Что, совсем не пьете? – Девушка удивленно вскинула брови.

– Не пью. – Внезапно широкая улыбка вспыхнула на его лице и тут же погасла.

Официантка удалилась. Тяжелые, стального оттенка глаза вперились Илье Андреевичу в лицо. Все, тянуть больше нельзя было. Мысленно перекрестившись, Головкин произнес:

– Деньги пропали. Собственно, поэтому я и задержался, пытался найти, сделать хоть что-то...

Он стал подробно рассказывать, как выкачивал из пражского филиала подопечного банка миллион долларов. Банда Сквозняка, хоть и действовала на территории России, основные свои капиталы переправляла в недалекое зарубежье и пользовалась для этого услугами банка «Славянка», который, кроме прочей финансовой деятельности, весьма активно занимался отмыванием криминальных денег.

В последние несколько лет среди «новых русских» стало модно приобретать недвижимость на территории Чехии.

Хотя Чехословакия и принадлежала в недавнем прошлом к социалистическому лагерю, но после его развала довольно быстро справилась с неприятными последствиями развитого социализма. Эта страна умудрилась сохранить стабильность, спокойствие, высокий жизненный уровень. Прага – географический и архитектурный центр Европы, но цены на недвижимость там значительно ниже, чем в других европейских столицах, не говоря о Москве.

Заиметь квартиру в Праге или домик в пригороде оказалось делом недорогим и не слишком хлопотным. Формально иностранные граждане не имеют права покупать недвижимость на территории страны. Но любой иностранец может запросто зарегистрировать фирму, пользуясь посредничеством любого гражданина Чехии. Фирма, в свою очередь, имеет полное право приобрести и недвижимость.

Фирмы реальные, а чаще фиктивные, стали расти на территории бывшей братской страны, как грибы под августовским дождем. Потекли капиталы, появились сомнительные посреднические структуры, банки, товарищества с ограниченной ответственностью. Разумеется, стержнем этой финансовой круговерти были криминальные деньги. В мощный поток вливались ручейком и кровавые доходы банды Сквозняка.

Когда костяк банды, трое приближенных Сквозняка, трое ближайших его подручных, были арестованы оперативниками ГУВД, срочно потребовались деньги, очень много денег – на адвокатов, на взятки, на приличный «грев» и на прочие экстренные нужды. Общак стал быстро таять. Соратники получили свои многолетние сроки. Сквозняка взять не удалось, он был объявлен в розыск и находился в бегах. А это дорогое удовольствие.

Банда существовала обособленно, главарь ее был горд и независим, а потому на помощь коллег рассчитывать не приходилось. Раздобыть наличные быстро и незаметно, не подставляясь, не светясь, можно было только в Праге. Именно туда по поручению самого Сквозняка и отправился скромный снабженец макаронной фабрики, тайный казначей банды, Илья Андреевич Головкин.

Руководству банка «Славянка» было отлично известно, что банды больше нет и Сквозняк в розыске. Но банкиры знали: сам по себе Сквозняк, без всякой банды, представляет достаточно серьезную опасность. В любой момент он может сколотить бригаду, поэтому лучше с ним не конфликтовать и не торговаться.

Илья Андреевич застал в Праге неприятную картину. Банк «Славянка» готовился к эвакуации, к тихому и бесследному исчезновению. Со стороны это было незаметно, однако Головкин, как человек бывалый, понял сразу: ребята собираются слиться, раствориться где-нибудь на просторах Австралии или Новой Зеландии.

После недолгих, но бурных переговоров Илья Андреевич все-таки получил миллион долларов, сложил толстые пачки сотенных купюр в неприметный кожаный кейс и должен был возвращаться поездом в Москву. Но случилось непредвиденное.

Глубокой ночью Илья Андреевич проснулся в своем скромном гостиничном номере. Разбудил его очень тихий звук. Что-то неприятно скрежетало в

замочной скважине. Кейс находился под кроватью. Думать было некогда. Одним бесшумным прыжком тучный пожилой Головкин подлетел к приоткрытой балконной двери с кейсом в руке. Номер находился на четвертом этаже. Балкон соседнего номера был отделен снизу пластиковой перегородкой, а сверху шли витые металлические прутья.

Илья Андреевич аккуратно протиснул заветный кейс на соседний балкон и умудрился прислонить его к перегородке. Народу в гостинице было мало, Илья Андреевич не сомневался: в соседнем номере никто не живет. Да и думать было некогда...

До сих пор Головкин недоумевал, каким образом ему удалось проделать все это за полминуты. Он даже успел нырнуть назад под одеяло за секунду до того, как дверь номера открылась.

В номер вошли двое молодых людей. Их лица были закрыты черными трикотажными шлемами с прорезями для глаз и рта. Один из них подскочил к лежащему на кровати Илье Андреевичу, приставил дуло к его виску и сказал по-русски:

– Не дергайся. Где деньги?

Илья Андреевич сразу понял, что глупо и опасно притворяться, и не стал спрашивать: «Какие деньги?» Было ясно, что молодые люди о кейсе с миллионом знают.

– Я их уже отправил в Москву с курьером, – ответил он как можно спокойней.

Второй молодой человек тем временем выглянул на маленький балкон, осмотрел его, потом закрыл балконную дверь, плотно задвинул шторы, зажег свет и стал тщательно обыскивать номер. Кейс с миллионом – не иголка, вещей у Ильи Андреевича было совсем немного, и обыск занял не более двадцати минут.

Головкин, как человек опытный и наблюдательный, успел сообразить, что ночные гости не представляют серьезной опасности. Они позаботились о том, чтобы Илья Андреевич не видел их лиц, стало быть, намерены оставить его в живых при любом исходе. А исход один – денег они не найдут.

Это были русские, юные шальные «отморозки». Судя по всему, информация о миллионе попала к ним случайно или почти случайно. Солидные люди не решились бы на такое безумие. Солидные люди сначала бы выяснили, чьи это деньги, и хорошенько подумали, прежде чем влезать в номер к казначею Сквозняка.

Несильно вмазав напоследок Илье Андреевичу под дых и оставив его жалкое барахлишко валяться на гостиничном вытертом паласе, мальчишки удалились ни с чем.

Подождав для верности еще минут десять, Илья Андреевич встал, тихонько вышел на балкон, сунул руку между витыми прутьями и стал шарить за перегородкой. Сначала он подумал, что кейс просто упал на пол. Встав на четвереньки, Головкин протиснул ладонь в узкую щель под перегородкой. Сердце его остановилось.

Стараясь унять внезапную дрожь, Илья Андреевич вернулся в свой номер, взял тяжелую настольную лампу. Провод был достаточно длинным. Он вынес на балкон стул, потом зажженную лампу, залез на стул, держа ее в руках, и осветил сквозь прутья решетки соседний балкон. Кейса не было.

Сейчас, рассказывая все подробности той ужасной ночи, стараясь не глядеть в стальные глаза своего собеседника, Илья Андреевич подумал о том, что в общем никаких ошибок не допустил и поступил разумно.

Подобное уже случалось.

Несколько лет назад Сквозняк отдал ему на хранение маленький подлинник Шагала, бесценный кусок холста размером не больше двух развернутых школьных тетрадей. Было жаркое лето. Жена уехала на дачу к приятельнице.

Стояла очень душная ночь, Илья Андреевич проснулся от духоты, в комнате была открыта только форточка. Головкин боялся сквозняков, но решил открыть окно – спать в такой духоте невозможно. Взглянув в тихий ночной двор, он заметил, что у подъезда остановился бандитский джип, и безошибочное чутье подсказало, что это по его душу приехали пятеро человек, вылезавшие из машины. Кто-то как-то пронюхал о картине.

Недолго думая, Головкин вытащил холст из-под матраса, завернул его в газеты. Соседи из квартиры напротив заканчивали ремонт. Лестничная площадка была уставлена ящиками, коробками с мусором. Пока любители Шагала входили в подъезд и поднимались на лифте, Илья Андреевич успел запихнуть бесценный холст в одну из коробок с грязными газетами на лестничной площадке.

Гости связали хозяина, самым тщательным образом обыскали квартиру и удалились ни с чем. Бесценный шедевр удалось сохранить. Сквозняк великодушно подарил его находчивому казначею. Для Ильи Андреевича этот кусок холста стал чем-то вроде талисмана. Картина ему нравилась: летает парочка влюбленных в облаках, фикус стоит на подоконнике, а рядом – кошка с человеческим лицом.

Позже Илья Андреевич нашел хитрый способ показать картинку искусствоведам, на всякий случай – вдруг подделка? Рисковал, конечно, однако холст стоил того. Он и правда оказался подлинником.

В случае с миллионом долларов Илья Андреевич поступил почти так же, как тогда, с Шагалом. Но просчитался.

Лицо Сквозняка было каменным. Илья Андреевич пытался поймать хоть какое-то движение губ, глаз, лицевых мышц. Но не мог. О чем думает собеседник, что происходит в его темной душе – оставалось тайной.

Илья Андреевич рассказал, как, рискуя жизнью, перелез на соседний балкон, дверь в номер оказалась запертой изнутри. Там было темно и стояла гробовая тишина. Проникнуть внутрь не удалось, он вернулся к себе, вышел в коридор. Разумеется, дверь из коридора в соседний номер была заперта. Больше Головкин сделать ничего не мог. Остаток ночи он провел без сна. Рано утром спустился вниз, к администратору.

За стойкой сидела молоденькая блондинка.

В Чехословакии русский язык был обязательным предметом. Те, кому сейчас двадцать, учили русский в средней школе. Но многие двадцатилетние не желают говорить на этом языке. Даже если собеседник не знает никакого другого. Девушка-администратор относилась именно к этой категории. Ей было чуть больше двадцати. По-русски она разговаривать не желала. Для нее это был

язык оккупантов, навязанный силой. Хотя пожилой господин являлся постояльцем гостиницы и беседа с ним входила в круг ее профессиональных обязанностей, она холодно сообщила Илье Андреевичу, что по-русски «не понимает». Если пану угодно, она может говорить по-английски или по-немецки.

К счастью, в чешском и русском языках множество общих корней. В школе Головкин учил немецкий, это было страшно давно, запас его знаний сводился к двум десяткам слов. Еще десяток слов он мог сказать по-чешски. В последнее время он часто бывал в этой стране и кое-какие слова поневоле запоминал.

С грехом пополам, мешая немецкие, чешские и русские выражения, он стал объяснять надменной блондинке, что ему необходимо узнать, кто живет в соседнем номере. Это очень важно для него. Его родная сестра с мужем погибла в авиакатастрофе, много лет назад.

– И все эти годы я разыскиваю ее единственного сына, моего племянника. В силу сложных жизненных обстоятельств мы потерялись, ребенка усыновили другие люди, дали ему свою фамилию, новое имя. А тайна усыновления охраняется законом. И вот недавно я узнал, что мальчик, теперь уже взрослый мужчина, в данный момент находится в Праге, в длительной командировке. Я приехал, чтобы продолжить поиски. Я очень болен, у меня рак, жить осталось совсем немного, своих детей нет, и перед смертью я хочу увидеть единственного, драгоценного племянника. Здесь, в гостинице, мелькнул в коридоре молодой человек, удивительно похожий на мою покойную сестру. Возможно, мне просто показалось... Но вдруг? Вдруг он живет в соседнем номере? Судьба могла сделать мне такой неожиданный щедрый подарок в награду за многолетние поиски...

Он сам удивлялся своему красноречию и буйной фантазии. Он плел невесть что, сочинил целый роман, давно уже перешел исключительно на русский. В глазах у него стояли слезы.

Администраторша слушала его очень внимательно, на ее хорошеньком личике было написано искреннее сострадание. Она даже забыла о том, что «не понимает» по-русски. В самом деле, надо быть бесчувственным животным, чтобы «не понимать» такую трогательную и печальную историю, пусть и рассказывают ее на языке бывших оккупантов.

– Но пан, – растерянно произнесла она по-русски, когда он закончил, – в соседнем номере никто не живет.

Еще немного, и для Ильи Андреевича пришлось бы вызывать «скорую помощь».

– А через номер? – еле слышно безнадежно спросил он, вспомнив, как сам сегодня ночью перелезал на соседний балкон.

– Секундочку, – девушка стала листать регистрационную книгу, – да, через номер живет молодой человек из России... Вот, Курбатов Денис Владимирович, 1968 года рождения... К сожалению, больше никаких сведений нет. Мы записываем только имя, гражданство и год рождения. Это при Советах полагалось писать полный адрес, место работы... А сейчас мы даже не спрашиваем документов, имя может быть и вымышленным. У нас частная гостиница, мы свято чтим право личности на инкогнито.

Девушка как бы даже извинялась перед Головкиным за новые демократические порядки. Действительно, был бы еще и адрес, и место работы, задача Ильи Андреевича упростилась бы в сто раз. Тем более ловкий молодой человек вроде бы из Москвы, а не откуда-нибудь из Варшавы или Лондона.

– Благодарю вас, пани... Вы представить себе не можете, как много для меня сделали...

– Ну что вы, пан, это так мало... Если бы еще хоть чем-нибудь могла помочь вам. Вы хотите подняться в номер к пану Курбатову?

Илья Андреевич растерялся. Нет, подниматься в номер нельзя. Что он скажет? Станет повторять душещипательную историю о племяннике? Но если этот Курбатов действительно умудрился украсть кейс, он моментально все поймет. Нет, идти к нему нельзя. К тому же его, скорее всего, уже нет в гостинице, а возможно, и в Праге.

Да, пожалуй, исчезновение молодого человека было бы первым доказательством, что кейс у него. Сначала надо выяснить, появится ли он еще раз в гостинице, потом попытаться узнать о нем как можно больше подробностей. В любом случае, если он исчез, то выписаться не успел...

– Знаете, пани, это слишком большое потрясение для него и для меня. А вдруг я ошибся? Год рождения совпадает, но ведь ни имени, ни фамилии я не знаю. Я должен еще раз посмотреть на него. Сердце подскажет мне.

...Официантка давно расставила на столе закуски, но никто к ним пока не притронулся. Илья Андреевич даже водки не хлебнул. Он прерывал свой рассказ, только когда у стола появлялась официантка. Теперь она поставила перед ним аппетитно шипящую котлету по-киевски с бумажным цветочком на тонкой косточке, с жареной картошкой, маринованным чесноком и оливками.

– Я смотрю, вы не кушаете ничего, – заметила девушка, – так увлеклись беседой.

– Да-да, все очень вкусно, – ответил Головкин невпопад.

– Мы не торопимся, девушка, – ослепительно улыбнулся официантке Сквозняк, – нам надо поговорить.

Она поняла намек и удалилась. Илья Андреевич наконец решился, залпом осушил стопку водки, быстро отправил в рот кусок копченой осетрины и оливку.

– А потом, – продолжал он, – администраторша сообщила мне, что Курбатов исчез, больше в номере не появлялся. Еще она сказала, что ему звонили из Москвы. Некто, представившийся его братом, разыскивал пана Курбатова и просил передать, что «номера телефона и факса изменились». Она даже прочитала и перевела мне записку, которую оставила в книге регистрации ее сменщица.

А еще через день она поднялась ко мне в номер и показала газету. Чешскую, разумеется. Там в разделе криминальной хроники сообщалось, что гражданин России Курбатов Денис Владимирович был убит. Полиция считает, что это – типичное заказное убийство, следствие внутренних разборок между русскими «деловыми людьми», которых в последнее время так много в Праге.

Переводя для меня маленькое сообщение, девушка чуть не плакала. «Я надеюсь, пан, это все-таки был не ваш племянник...»

Я понял, что из гостиницы надо сматываться. Чешская полиция наверняка в ближайшее время заявится туда, и сострадательная девица может догадаться рассказать им историю о несчастном больном дядюшке из России...

– Все? – тихо спросил Сквозняк после паузы, которая длилась целую вечность.

– Да, – кивнул Илья Андреевич и накинудся на котлету по-киевски.

Кто знает, может, эта котлетка будет последней в его жизни... Ведь он так редко позволял себе вкусно поесть. А жаль, он многое потерял.

– Сколько у тебя наличности на сегодня? – Вопрос был задан так просто и буднично, что Илья Андреевич поперхнулся.

Речь шла о его личных сбережениях, о тех деньгах, которые были дороже жизни, ради которых он столько лет рисковал, отказывал себе во всем. Да, речь шла только об этих, святых для Ильи Андреевича сбережениях, ибо то, что осталось от общака банды, на данный момент представляло собой сумму настолько смехотворную, что и говорить о ней не стоило. Оба, Сквозняк и Головкин, об этом знали.

Еще несколько секунд назад Илья Андреевич прощался с жизнью и не думал о деньгах. А сейчас оказалось, что с деньгами прощаться куда сложнее, чем со своей старой шкурой. Почему, интересно? Ведь никаких любимых наследников нет, и с собой на тот свет ни копейки не возьмешь...

– Сколько тебе нужно? – спросил Илья Андреевич сквозь кашель.

– Все, – ответил Сквозняк просто, – мне надо все, что у тебя есть.

– Но у меня нет налика... Золотишко, побрякушки, срочные банковские вклады... Сразу не получится.

– Можно и не сразу, – кивнул Сквозняк. – Не сразу. Постепенно.

Илья Андреевич налил себе еще водки, выпил залпом, быстро, с неприличной жадностью доел котлету и весь гарнир, который был на тарелке. Подозвав

официантку, он спросил:

– Девушка, у вас можно купить пачку сигарет?

– Конечно. Каких вам?

– Самых лучших, самых дорогих. И еще кофе. Этот, как его? Капучино! – Илья Андреевич быстрым движением отправил в рот сразу три тонких ломтика копченой осетрины, оставшихся на закусочной тарелке.

– Ты же не куришь, – заметил Сквозняк, когда официантка отошла за сигаретами.

– Теперь курю! – Головкин залпом допил остатки водки прямо из графина.

Глава четвертая

Володя заметил их еще в переулке. Болезненно-полный мальчик лет семи медленно шел рядом с пожилой женщиной. Женщина передвигалась на костылях. Оба были одеты очень бедно, почти нищенски. Володя ехал на небольшой скорости, окно машины было открыто. Он услышал, что мальчик называет пожилую женщину мамой.

На перекрестке скопилась орда машин, был час «пик». Когда зажегся зеленый для пешеходов, две толпы ринулись навстречу. Люди бежали, чуть не сшибая друг друга, лавируя между бамперами машин, вставших прямо на полосатой пешеходной дорожке.

Мальчик бережно поддерживал свою маму, они шли очень медленно. Их толкали, кто-то рывкнул: «Нельзя побыстрее? Мешаете!» И тут машины тронулись. Все еще горел зеленый, люди переходили дорогу, а машины уже ехали – прямо на людей.

Женщина с мальчиком замерли посреди мостовой. Володя выскочил из своего «Москвича» и рванул к ним, но не успел. Черный джип, ехавший прямо на

женщину, будто перед ним была пустота, ударил бампером по костылю, костыли выпали из рук. Женщина упала на колени.

– Сука, дома сиди, раз больная! – завопил из открытого окна водитель джипа.

Все машины вокруг оглушительно гудели. Володя, помогая женщине подняться, подавая ей костыли, успел взглянуть на номер джипа. Лицо водителя он тоже успел разглядеть и запомнить.

Мальчик плакал. Женщина тихо повторяла:

– Спаси вас Господь!

Он ничего не ответил, быстро довел их до тротуара и бросился назад, к своей машине.

Джип обогнул площадь Белорусского вокзала, выехал на эстакаду, ведущую к Ленинградскому шоссе.

Водитель джипа не замечал, что из желтого старенького «Москвича» в его квадратный затылок неотрывно глядят ясные светло-голубые глаза. Зло должно быть наказано.

* * *

– Скажите, пан Курбатов, по каким делам ваш брат приезжал в Прагу?

У полицейского инспектора было усталое лицо, мягкие, чуть обвислые щеки, мешки под глазами.

«Он пьет много пива и любит перченые шпикачки, – как-то отстраненно подумал Антон. – А что, собственно, я должен ответить? Мой брат приехал замечать следы? Наша дурацкая фирма погорела, и Дениска должен был разобраться с банковскими счетами, аннулировать пару-тройку договоров. Ничего криминального в этом не было. Но и ничего законного тоже не было...»

– Это был частный визит. Мы оба выросли в Праге, осталось много старых друзей.

– Да, я знаю, – кивнул инспектор. – Пани Бем сказала мне, что училась с вами в одном классе и хорошо знала вашего брата.

– Пани Бем? – не понял Антон. – Кто это?

– Вы разве не знакомы с пани Бем? – быстро спросил инспектор.

– Нет, – покачал головой Антон.

– Ах, ну конечно! – Инспектор даже по лбу себя шлепнул. – Вы, наверное, знаете только ее девичью фамилию. К сожалению, я не могу вспомнить. Эту пани зовут Агнешка.

– Агнешка?!

Господи, рыжая Агнешка Климович... Теперь она пани Бем. Вышла замуж за какого-то Бема. Но при чем здесь она?

– Ваш брат был убит в офисе туристической компании, принадлежащей семье Бем. Пани Бем – единственная наша свидетельница.

– То есть его убили при ней?

– Не совсем. По ее словам, она вышла в другую комнату, варила кофе. Она ничего не видела и не слышала, пистолет был с глушителем. Когда она вернулась, ваш брат был мертв. Пуля пробила ему голову. Еще нам удалось найти таксиста, который подвозил вашего брата к вокзалу. Ваш брат попросил его оторваться от преследователя, сказал, что какой-то сумасшедший ходит за ним целый день. Таксист мельком видел лицо того человека, но запомнил только черные усы. Простите, ваш брат не был гомосексуалом?

Антон вспыхнул, но сдержался.

– Нет. Мой брат не был гомосексуалом, – медленно процедил он сквозь зубы.

– Просто недавно мы задержали гомосексуала, который охотился за своими неверными партнерами... Всякое бывает. Еще раз прошу меня извинить. Значит, вы утверждаете, что ваш брат никакой коммерческой деятельностью на территории Чехии не занимался.

– Насколько мне известно, нет.

Антон старался не глядеть в добрые усталые глаза полицейского инспектора. Если он начнет рассказывать про их с Дениской убогую коммерцию, то подставит Иржи. Да и следствие запутается... Нет, покойная фирма «Стар-Сервис» здесь ни при чем. И чехи Денискиного убийцу не найдут. Поищут-поищут и спрячут дело в архив. Этот инспектор, любитель пива и шпикачек, копать не станет. Он небось сидит и думает: «Понаехали деловые русские на нашу голову, палят друг в друга в нашем красивом, чистом и спокойном городе...»

– Есть еще одно любопытное обстоятельство. Администратор гостиницы рассказала нам, что некий пожилой русский якобы узнал в вашем брате своего племянника. Он жил через номер от пана Дениса Курбатова и обратился к администратору с просьбой сообщить его фамилию. Этот русский сказал, будто его сестра с мужем погибли в авиакатастрофе много лет назад, а племянника усыновили какие-то люди. Но, насколько я знаю, ваша мать жива и вашего брата никто не усыновлял. Следствие не исключает, что этот русский имеет какое-то отношение к убийству. Впрочем, возможно, это просто совпадение...

– Вы нашли его? – хрипло спросил Антон. «Нет, – подумал он, – это не совпадение. Здесь должна быть ниточка, где-то здесь. И ты, инспектор, плохой полицейский, если не зацепишься».

– Нет, – покачал головой инспектор, – он успел уехать. – Мы послали запрос в Россию. Однако если он действительно причастен к убийству вашего брата, то, скорее всего, в гостинице он жил под вымышленным именем.

– Да, это логично, – произнес Антон.

– Распишитесь, пожалуйста. Вот здесь и еще здесь. Благодарю вас. – Инспектор поднялся и крепко пожал Антону руку. – Вы хотите кремировать тело в Праге

или повезете в Россию?

Он прилетел всего несколько часов назад. Прямо из аэропорта его повезли в морг, на опознание. Он еще раз убедился, что поступил правильно, уговорив маму не лететь с ним, остаться в Москве. Глядя на мертвое Денискино лицо, он все равно не мог поверить. Все в нем сопротивлялось этой чудовищной правде.

Он механически подтвердил, что да, убитый является Курбатовым Денисом Владимировичем, 1968 года рождения... И сейчас он не был готов ответить на вопрос инспектора. Везти тело в Россию? В специальном холодильнике? О господи... Или сжигать в здешнем крематории и возвращаться домой с урной? А мама? Что, звонить в Москву и советоваться с ней?

– Я повезу в Москву урну, – выдавил он наконец.

– Что ж, это разумно, – кивнул инспектор, – зайдите завтра утром, мы начнем готовить необходимые бумаги.

– Простите, могу я узнать адрес туристической фирмы Бем?

– Да, разумеется. Это на Кленовой улице.

Он с трудом узнал в высокой полноватой даме Агнешку, рыжую, конопатую, худющую девочку. В ее зеленых глазах показались слезы, как только она увидела Антона.

– Хочешь, мы пойдем к нам домой? Где ты остановился?

– Пока нигде, – признался он и поцеловал гладкую прохладную щеку.

От Агнешки пахло дорогими духами. На лице не было ни одной веснушки. Из неуклюжего сутулого подростка выросла красивая, холеная леди. Видно было, что дела фирмы идут хорошо.

– Знаешь, Денис ведь зашел сюда совершенно случайно. Ему надо было срочно отправить факс. Он даже не узнал меня сразу.

– Факс? В Москву? – глухо переспросил Антон.

– Да. Он отправлял его сам, писал от руки. Я заглянула, там был какой-то адрес... Но вспомнить не могу, просто вылетело из головы. Хочешь, я посмотрю, по какому номеру? В моем аппарате это возможно, там все фиксируется... Так ты пока нигде не остановился? Тогда давай к нам. Тебе лучше сейчас не оставаться одному. Да, вот. Посмотри. Переписать тебе этот номер?

– Не надо...

Антон знал этот номер наизусть. Совсем недавно он принадлежал фирме «Стар-Сервис». Теперь принадлежит неизвестно кому. Совершенно посторонним людям. Денис отправил факс, еще не зная о том, что фирмы больше нет. Он что-то хотел сообщить брату за несколько минут до смерти... Агнешка сказала, он спешил, был взволнован, стал писать от руки, вместо того чтобы воспользоваться компьютером. Почему?

– Скажи, Агнешка, он не объяснил, почему пишет от руки?

– Нет. Но я и не спрашивала. Раз ему так удобней... На компьютере было бы дольше, а он очень спешил. Мне кажется, он чувствовал или даже знал, что за ним кто-то охотится. Он был очень взвинченный. Но потом успокоился немного, согласился выпить кофе...

– Слушай, Агнешка! – почти выкрикнул Антон. – А бумага? Бумага с текстом не сохранилась?

Агнешка грустно покачала головой.

– Он оторвал кусок с текстом и сжег в пепельнице. Я видела потом бумажный пепел. И еще... Только сегодня утром я узнала, совершенно случайно, что он заходил в парикмахерскую на соседней улице. Я стригусь там у своей приятельницы. Она мужской мастер, но я стригусь у нее. В общем, это не важно сейчас.

Агнешка волновалась и сбивалась, рассказывая. Конечно, гибель Дениса, да еще в офисе ее фирмы, была для нее огромным потрясением. Она побледнела. Даже

веснушки проступили сквозь слой тонального крема, Видно, не удалось ей вывести их окончательно.

– Так вот, – продолжала Агнешка, закуривая, – я зашла туда сегодня утром. Моника меня стригла, и мы, конечно, говорили об этом ужасном убийстве. О нем сейчас говорит вся Кленовая улица. Монике, оказывается, уже пришлось пообщаться с полицией. Но только сегодня она вспомнила, почему нечаянно порезала щеку Денису, когда брила его. А потом...

– Подожди, – перебил ее Антон, – он никогда не брился в парикмахерской. Никогда.

– Но в то утро, ну... перед тем, как все случилось, он зашел в парикмахерскую. Это совершенно точно. А вышел оттуда не через дверь. Он спросил, где туалет, и сбежал в окно. Окно туалета выходит во двор. Моника очень удивилась, ведь он заплатил за бритье. Зачем же так странно убегать? Потом она опознала его. Полиция опрашивала всех по соседству. Но тогда она так волновалась, что забыла про порез на щеке. А сегодня вспомнила. Она теперь не знает, надо ли звонить в полицию и рассказывать... Она видела в зеркале, как за окном остановился человек. Молодой, в светлом льняном пиджаке. Пиджак был надет на черную футболку. И усы... Черные усы. Он стоял лицом к окну и курил. Она еще подумала, что, возможно, он зайдет стричься. Так вот, когда этот черноусый появился в окне, Денис сильно дернул головой, словно испугался. Поэтому получился порез.

– Могу я поговорить с этой Моникой? – тихо спросил Антон.

– Ты что, хочешь сам искать убийцу? – испуганно взглянула на него Агнешка. – Ты сошел с ума, тебя тоже убьют...

– Не беспокойся, частным сыском я заниматься не собираюсь. Я доверяю вашей полиции. А почему ты решила, что меня тоже убьют?

– Моника сказала, тот человек за окном был похож на турка или на азербайджанца. В общем, мафия. У нас здесь, как и у вас, мусульмане орудуют. Турки...

– Значит, он знал убийцу, – пробормотал Антон, – возможно, он бежал от него по городу всю ночь, пытался оторваться.

– Почему всю ночь? – удивилась Агнешка.

– Если бы он ночевал в нормальных условиях, в гостинице, то побрился бы сам. Он брился каждое утро. У него щетина росла очень быстро. В каком бы он ни был состоянии, обязательно брился утром. Для него это было как зубы почистить... Или он зашел в парикмахерскую, надеясь, что там его не убьют? А потом увидел того черноусого в зеркале и убежал через окно? Турок... А ведь это действительно мог быть турок... Или нет?

– Ты меня спрашиваешь? – Агнешка осторожно прикоснулась к его руке.

– А? Нет. Я самого себя спрашиваю, – Антон слабо улыбнулся, – просто размышляю вслух.

– Так мы пойдем к Монике?

– Да, обязательно...

Парикмахерша Моника увела их в закуток, поставила чайник, высыпала на блюде печенье, долго вздыхала и охала.

– Это ваш брат? Какое горе, не дай бог никому... Он был усталым, взвинченным, испуганным. Я еще подумала, этот парень не спал ночь. Знаете, после бессонной ночи глаза красные, лицо бледное. Я такие вещи всегда замечаю. Когда я давала показания полицейскому инспектору, то очень волновалась и совсем забыла о том черноусом, который стоял и курил.

А ведь он потом еще раз мелькнул в окне. Мне показалось, он озирался по сторонам. Искал... Конечно, это был убийца! Если бы я знала, я бы вызвала полицию. Мы бы вместе с вашим братом что-то придумали. Он так хорошо говорил по-чешски, мы могли потихоньку договориться. Понимаю, я совершенно посторонний человек, но когда спасаешься от убийцы, можно обратиться и к постороннему. Если бы он не убежал потихоньку в окно, мы бы позвонили в полицию отсюда. Убийцу бы арестовали, нашли пистолет. А, да что теперь

говорить! – Она безнадежно махнула рукой. – Вы не ответили, мне стоит звонить инспектору?

– Да, конечно, – равнодушно кивнул Антон.

Теперь это уже не имело значения. Теперь он сам понял, кто мог убить его брата. Или почти понял. Но убийцу не найдут никогда. Впрочем, если бы случилось чудо и убийцу все-таки арестовали, брата не вернешь.

Конечно, Денис мог бы сказать этой милой Монике, шепнуть ей на ушко: «Помогите мне, позвоните в полицию! Сделайте что-нибудь, иначе меня убьют!» Возможно, другой человек на его месте так и поступил бы. Прага – не Москва. Здесь люди более открыты, добросердечны. Нет холодного опасливого остервенения, которое появилось у москвичей в последние годы.

Но Денис не стал обращаться за помощью ни к сострадательной Монике, ни даже к старой знакомой Агнешке. То есть не к ним, конечно, а к полиции – с их помощью. К чешской полиции... Да, он недооценил опасность, переоценил собственные силы. А главное, он не хотел объяснять полицейским, кто и почему собирается его убивать.

* * *

Володя оставил машину в тихом дворе, неподалеку от ресторана. Хорошо, что у этого заведения нет охраняемой стоянки. Черный джип встал не у самого входа в ресторан, а подальше, возле гастронома. Припарковался он кое-как, понаглому, криво, перегородив выезд для других машин.

У Володи был отличный наблюдательный пункт. Он видел, как громила с квадратным затылком, хозяин джипа, вошел в ресторан вместе с высоченной девицей. Кожаная юбчонка едва прикрывала ягодицы, на голые плечи был небрежно накинут какой-то сверкающий дорогой мех. Гладкие длинные ноги даже в сумерках отливали глянцевым загаром. Видно было, что уже сейчас, в конце мая, эта красотка успела побывать на югах, наверняка где-нибудь в Греции или в Испании. И уж никак не честным трудом заработала она деньги на шикарный отдых. Да, такие всегда шикарно отдыхают, они себе ни в чем не отказывают. Они себя обожают, им никогда не бывает стыдно. Никогда...

Володя сам не понимал, почему его так раздражает девица. Она вообще ни при чем. Ее спутник – да. Он заслужил свой приговор. То, что с ним произойдет, когда он выйдет из ресторана, сядет в свой джип и заведет мотор, справедливо. Он заслужил. А девица? Она ведь тоже сядет в машину...

Володя замер в нерешительности. Он должен был вынести еще один приговор. Прямо сейчас, сию секунду. Это было сложное и страшно ответственное решение. Неизвестно, когда еще представится такой удобный случай, как сейчас. А времени мало. Счет идет даже не на дни – на часы. Он не имеет права тратить драгоценное время на этого ублюдка. Но зло должно быть наказано.

Стоя в темной арке, он пытался определить степень добра и зла в душе неизвестной девушки, которую видел мельком, даже лица не разглядел. Но она шла рядом с квадратным громилой. Она шла с ним в ресторан, нагло демонстрируя свое тело – роскошное, порочное. Такое тело стоит дорого, и она демонстрировала товар. Она вполне могла бы сидеть рядом с громилой в джипе в тот момент, когда он ехал прямо на живого человека, словно перед ним было пустое место. Она бы не остановила его. Она бы только посмеялась над несчастной нищей женщиной, у которой вышибли костыли. Она такая же, как он, если ходит с ним в рестораны и ложится в постель. А значит, все справедливо.

Громила наверняка наклюкается в ресторане. Для таких нет ничего важнее собственных сиюминутных желаний. Хочется выпить – он выпивает, и ему плевать, что после этого он сядет за руль. Для таких чужая жизнь ничего не стоит. Он будет мчаться на предельной скорости по вечернему городу, не обращая внимания на светофоры и пешеходные переходы. И не дай бог никому оказаться у него на пути. Но нет, никто больше не пострадает из-за тупого ублюдка.

Володя поднял воротник плаща, заложил руки в карманы и твердым шагом направился к джипу.

Никто не обратил внимания на маленького, сутулого человечка в сером плаще, который в густеющих сумерках вертелся возле джипа. Никто не заметил Володю. Его вообще никогда не замечали, словно на нем была шапка-невидимка...

Он не стал ждать взрыва. Неизвестно, сколько они пробудут в ресторане. Он и так потерял слишком много драгоценного времени. Устройство сработает, как только машина тронется с места. Взрыв будет локальным. Другие машины и люди не пострадают.

Глава пятая

Дежурная оперативная группа с Петровки, выехавшая в полночь к ресторану «Райский уголок» у «Войковской», обнаружила два трупа. Довольно быстро удалось установить, что мужчина, сидевший за рулем взорвавшегося джипа «Чероки», являлся боевиком небольшой подмосковной группировки. Такие гибнут стаями, таким на роду написано умирать не своей смертью. Несомненно, взрыв бандитского автомобиля неподалеку от ресторана, в котором обычно кутили мафиозные «шестерки», был следствием очередной бандитской разборки.

Вместе с боевиком погибла его случайная подружка, двадцатилетняя продавщица коммерческого магазина.

Разумеется, убийц следовало искать не где-нибудь, а в бандитской среде. Необычной оказалась только одна деталь, впрочем, весьма существенная – само взрывное устройство было сконструировано удивительно оригинально.

Такого специалисты еще не видели. Не иначе, среди мастеров-самоучек появилась новая звезда взрывного дела. По мощности взрыв был эквивалентен ста граммам тротила. Взрывной волной разворотило все внутри салона, водитель и пассажирка были разорваны на куски. Но корпус автомобиля остался целехонек. Эксперты утверждали, будто злоумышленник закрепил свою смертоносную хлопушку именно снаружи, примагнитил ее к днищу машины, и то, что корпус уцелел, было совершенной мистикой.

– Первый раз такое вижу, – разводил руками капитан милиции Георгий Мальцев, – не машина, а консервная банка с мясным фаршем. Хотел бы я познакомиться с этим чудо-мастером, гением пиротехники...

– Ты, Гоша, не одинок в своем желании, – задумчиво произнес майор Уваров, – за такого гения любой авторитет многое бы отдал.

Позже выяснилось, что в тот же день со взорванным джипом было связано небольшое ДТП. Нет, даже дорожным происшествием нельзя назвать – мелочь, никто не пострадал. Просто в час «пик» у станции метро «Белорусская-кольцевая», на пешеходном переходе через улицу Грузинский Вал, джип слегка задел женщину-инвалида. Женщина даже не упала, только выронила костыли и опустилась на колени. Какой-то маленький, тощенький выскочил из своего «Москвича» и помог женщине-инвалиду подняться. Вот, собственно, и все ДТП. Сотрудники ГАИ, наблюдавшие эту сцену из своего «Мерседеса», тоже стояли в пробке. Они даже хотели сначала рвануть за джипом, но потом раздумали. Совсем недавно вот так же рванули за одним «отмороженным», а он выхватил пушку, открыл пальбу – двоих ранил.

* * *

Володя включил телевизор, налил себе чаю. Он любил «Пиквик» с бергамотом, и за белоснежной дверцей кухонного шкафчика стояли аккуратными рядами десять упаковок «Пиквика» с одноразовыми пакетиками. Он вообще предпочитал закупать продукты впрок. Благо ему одному требовалось совсем немного еды. Он никогда для себя не готовил. Морозилка была забита полуфабрикатами быстрого приготовления. Консервы, сахар, соль, банки с растворимым кофе, изюм, орехи – всего было много, и все удобно размещалось на крошечной кухне.

В ванной, в специальном ящике, хранился годовой запас мыла, зубной пасты, стиральных порошков и прочих гигиенических средств. Он закупал все необходимое впрок не потому, что отсиживался в своей однокомнатной квартире месяцами. Просто он старался как можно реже ходить по магазинам. Это всегда на него плохо действовало.

Недавно поблизости появилось сразу три шикарных супермаркета. У касс стояли стенды с журналами. С глянцевых обложек лезли в глаза голые груди, бесстыдно изогнутые женские и мужские торсы. Полки ломились от снеди в ярких упаковках. Володя думал о том, что само по себе изобилие не является злом. Но человека оно делает тупым, жадным, беспощадным.

По шестому каналу начались криминальные новости. Он увеличил громкость. Рассказали о крупных пожарах. Потом перешли к трупам. Вот оно! Володя затаил дыхание.

– Вчера вечером на Ленинградском шоссе...

Скороговоркой неся закадровый голос. Камера с удовольствием вперилась в обезображенные лица трупов.

– Погибший был членом одной из преступных группировок, – тараторила дикторша, – рядом с ним в салоне находилась его знакомая... работала продавцом в коммерческом магазине...

Володя облегченно вздохнул, съел кусок черного хлеба с сыром, выпил чай. Потом тщательно помыл чашку, стер влажной губкой несколько незаметных пятнышек с плиты, подмел пол.

Страсть к аккуратности, к стерильной чистоте появилась у него еще в детстве. Мама, папа и бабушка не терпели грязи. В доме не было ни пылинки. Два раза в неделю вся семья бралась за генеральную уборку, дружно вылизывали каждый уголок. Ковры чистили влажной гущей от спитой чайной заварки, натирали полированную мебель специальным составом. Дом был всегда чистым, светлым, самым уютным на свете.

Но по-настоящему Володя понял, что такое родной дом, когда ушел служить в армию. Он попал в танковую часть под Воронежем. Ему, московскому мальчику из интеллигентной семьи, пришлось хлебнуть всех прелестей армейской жизни. Он узнал, что такое дедовщина, старшинский беспредел, фурункулез от сырости и нехватки витаминов. Он, не терпящий бранных слов, жил в постоянной матерщине. Он, чистюля, аккуратист, спал в казарменной вони, брезговал собственным телом, которое покрылось отвратительными гнойниками. Ему приходилось трижды отсиживать на «губе», от недели до десяти дней. Там, в каменном мешке, спали на грязных тюфяках не раздеваясь, невозможно было умыться, почистить зубы. Нужду справляли тут же, в вонючее ведро, при всех.

Но самым тяжелым испытанием для Володи стала грязь и мерзость человеческих отношений, которая в условиях казармы обнажалась нагло, бесстыдно. Родители учили его с детства, что человек человеку брат, что нельзя лгать, стыдно быть

жадным, с несправедливостью и жестокостью надо бороться, даже если ты обречен на поражение, слабого надо защитить, а сильного нельзя бояться. Мама, папа, бабушка в один голос внушали Володе: самое дорогое у человека – это чистая совесть и чувство собственного достоинства.

В армии все происходило с точностью до наоборот. Там господствовали не человеческие, а звериные законы. Володя терпел, стиснув зубы. Он пытался остаться человеком. Единственной его отрадой были письма из дома. Он считал дни до дембеля. Он утешался тем, что все на свете кончается.

Дембель был в мае. В Воронеже Володя купил маме и бабушке по пуховому платку, папе – красивые кварцевые часы, позвонил с центрального телеграфа домой. Бабушка разохалась, стала плакать, сказала, что все здоровы, мама с папой на работе, дома все хорошо.

Поезд прибывал в Москву в субботу вечером.

Сердце радостно колотилось, когда он входил в родной подъезд. От волнения он не дождался лифта, молнией влетел на седьмой этаж. За дверью было тихо. Он долго давил кнопку звонка, слышал, как мелодичное треньканье разливается по квартире. Никто не открывал. Английский замок оказался запертым, а ключа у Володи не было. Он сбежал вниз по лестнице, выскочил во двор, взглянул на окна. В двух комнатах горел свет. Он опять поднялся на свой седьмой этаж и позвонил в дверь к соседям.

Соседка едва узнала Володю, вспомнила, что видела его маму в пятницу утром, ехала вместе с ней в лифте.

– Ты не волнуйся, может, бабушка день перепутала и они ушли в гости? А свет погасить забыли.

Но это было исключено. Бабушка, хоть и старенькая, потерей памяти не страдала, к тому же имела привычку всякую важную информацию записывать в специальный блокнот, который висел на шнурке в коридоре у телефона. А какая информация может быть важнее, чем возвращение любимого внука из армии после полутора лет разлуки?

Володя позвонил от соседки в милицию. Ему дали телефон районного отделения, пришлось долго объяснять дежурному, что его родные в этот вечер никуда уйти из дома не могли. Наконец приехал наряд. Володя настоял, чтобы взломали дверь...

Папа и мама сидели, примотанные к стульям широкими полосами скотча. Рты их были заклеены тем же серым блестящим скотчем. Вокруг было много крови. Тела оказались уже холодными.

Бабушка лежала на кровати в ночной рубашке. Она не была связана. Ее просто придушили подушкой. А маме и папе перерезали горло.

В квартире все было перевернуто, Володя долго не мог сообразить, что из вещей пропало. Он вообще плохо соображал. Ему стало казаться, что это – кошмарный сон, что он все еще едет в плацкартном вагоне из Воронежа, спит на верхней полке и ему привиделся этот запредельный ужас. Стоит только проснуться – и он услышит мерный стук колес, увидит далекие огни за темным окошком. Ведь еще вчера днем он разговаривал с бабушкой по телефону.

Судмедэксперт сказал, что смерть всех троих наступила прошлой ночью. Позже выяснилось, что из дома вынесли все, представлявшее хоть какую-нибудь ценность, – цветной телевизор «Садко», две хрустальные вазы, дюжину серебряных ложек, старинные золотые часы-луковку, которые бабушка прятала под бельем в нижнем ящике комода. С бабушки сняли золотой нательный крестик. У мамы из ушей вырвали серьги с сапфирами. И еще пропал перстенок, который мама носила в юности.

С возрастом ее пальцы стали полнее, перстенок не налезал. Он был очень красивый, но никакой ценности не представлял. Желтый металл точно имитировал золото, светлое, высокой пробы, но на самом деле являлся каким-то дешевым сплавом. Камень глубокого зеленого цвета совершенно не отличался от настоящего изумруда. Но это было обычное стекло.

Володя не знал, сколько могло быть в доме денег. Семья не бедствовала, но и особенным достатком не отличалась. Не оказалось ни одной, даже мелкой купюры.

На кухне, на столе у плиты, стояла кастрюля с перебродившим дрожжевым тестом. Тесто толстой массой перевалилось через края, заляпало чистую пластиковую поверхность стола. Почему-то именно это стало для Володи последней каплей. Он представил, как бабушка накануне поставила тесто, хотела напечь пирожков, его любимых, с яйцом и капустой.

Голова закружилась, в глазах потемнело. Он потерял сознание.

Потом две недели он провел в больнице, в неврологическом отделении. К нему ходили оперативники, следователь из прокуратуры.

Похоронив на Долгопрудненском кладбище три урны, Володя обменял родную трехкомнатную квартиру в центре, на Миусах, на однокомнатную в другом конце города. На оставшиеся от обмена деньги купил подержанный, но добротный «Москвич». Устроился работать обходчиком в метро.

Работа была сменная, ночная. Ему хватало пяти часов сна. Свободного времени оставалось много. Он проводил его, толкаясь на барахолках, в антикварных магазинах с ювелирными отделами. Сидел в пивных барах и ресторанах, в которых, по его представлениям, должны были собираться темные личности, уголовники и те, кто скупает краденое.

Внешность Володя имел самую неприметную: маленький, всего сто шестьдесят сантиметров, узкоплечий, худой, со светло-голубыми глазами и прямыми жидковатыми волосами неопределенного пепельно-русого цвета, он был в толпе почти невидимкой. Взгляды всегда скользили мимо.

Прислушиваясь к обрывкам разговоров во всяких сомнительных злачных местах, приглядываясь к теням городской криминальной жизни, Володя пытался узнать что-нибудь о банде квартирных грабителей, убивших его семью. Он не верил, что оперативники поймут убийц. Он не признавался самому себе, что пытается сам их искать, не ставил перед собой таких определенных и, в общем, безумных целей. Просто ему надо было что-то делать с той болью, которая не давала дышать.

О страшной банде писали газеты, мелькнуло несколько сюжетов по телевизору. Но реальных следов не было. Волна зверских грабежей прошла по Москве и Московской области быстро и практически бесследно. Бандиты не оставляли

свидетелей. Все, кого они грабили, были мертвы, включая детей и стариков.

Выбирали подъезды без домофонов, без кодовых замков. В квартиры обычно проникали глубокой ночью, под утро, в три-четыре часа, когда особенно крепок сон. Предпочитали квартиры, у которых нет стальных дверей и хитрых замков. Пользовались отмычками либо стандартными ключами. Вероятно, действовали они по принципу, что в любом доме можно чем-нибудь поживиться. Обязательно найдется кое-какое золотишко, деньги в чулке, столовое серебро, а уж телевизоры и магнитофоны есть везде.

Выносили они все, что можно было вынести, брали парфюмерные флаконы, дорогую косметику, качественные продукты. Хозяев они обычно приматывали к стульям широким скотчем, пытали, требуя сообщить, где спрятаны ценности. Потом убивали либо ударом ножа в сердце, либо перерезали горло. Детей и стариков просто душили подушками. Огнестрельным оружием не пользовались. Никаких отпечатков пальцев не оставляли. Соседи практически никогда ничего не слышали. Грабители умели действовать очень быстро и бесшумно. Эксперты полагали, что в банде действует не меньше четырех человек.

Всего за шесть месяцев, с января по май 1994 года, было ограблено девять квартир в Москве и пять частных домов в Московской области. Убито двадцать семь человек, из них трое детей от четырех до четырнадцати лет.

Володины родные оказались тремя последними жертвами. Серийные грабежи, отличавшиеся одинаковым почерком, прекратились. Судя по всему, банда либо распалась, либо сменила сферу деятельности, вышла на другой уровень. Но ни один из ее членов пока не был арестован.

Прошел год. Володя жил замкнуто, друзей у него не было, подруг тоже. Он брезговал случайными связями, а семью заводить боялся. Было страшно привязаться к кому-то, полюбить живое существо, которое в любую минуту по чьей-то злой прихоти может стать горстью праха. Володя чувствовал всей кожей, что мир вокруг наполнен злом и все живое беззащитно. Зло всегда торжествует, оставаясь безнаказанным. Оно всюду – в лицах и душах людей, в мчащихся по улицам иномарках. Зло вопит о себе с экрана телевизора и с газетных страниц. Уголовники, блатные авторитеты, наемные убийцы становятся супергероями. Подростки пытаются им подражать.

Однажды, под Новый год, он зашел в супермаркет за очередным запасом продуктов. Вдоль ярких полок навстречу ему двигалось двухметровое существо женского пола. Распахнутая шуба из серебристого соболя, алые лаковые сапоги до бедер, подобие платья в золотых блестках, толстый слой грима вместо лица, оглушительный запах сладких духов. Одной рукой существо толкало решетчатую тележку, наполненную доверху банками икры, бутылками самых дорогих коньяков и ликеров, упаковками с экзотическими морскими гадами, картонками со свежей клубникой и черешней, алеющей под тонким пластиком. В другой руке – сотовый телефон. На десяти пальцах обеих рук сверкали бриллианты немыслимых размеров. Из ярко накрашенного рта извергалась в трубку витиеватая матерная тирада, заполняющая словесной грязью все пространство супер-маркета.

Провожая взглядом девицу, он вдруг подумал, что ради такой вот сверкающей мишуры были убиты три самых прекрасных на свете человека – мама, папа и бабушка.

Бриллиантово-матерная девка накрепко врезалась в память потому, что впервые в жизни Володе захотелось убить конкретного живого человека – за бесстыдство, за слепое самообожание, за обложной наглый мат, а по сути – ни за что. Просто так. Только потому, что она показалась ему воплощением зла. Зло причиняло ему острую физическую боль. Болела душа, он чувствовал, она находится где-то в подвздошной области. Боль была нестерпимой...

Однажды в антикварном магазине на Старом Арбате Володя увидел часы-луковку. Он узнал их сразу. Бабушка иногда доставала из-под стопок чистого белья эту семейную реликвию, принадлежавшую еще ее деду. Володя отлично помнил каждую деталь тонкого узора на золотой крышке, две темные трещинки на фарфоровом циферблате. В детстве он удивлялся, что механизм старинных часов все еще исправен. Стоит покрутить рифленое колесико, и часы затикают, начнут опять отсчитывать время, как сто лет назад. На колесике была небольшая щербинка.

Он попросил продавщицу показать часы. Когда он взял их в руки, сердце его больно стукнуло. Он бросился звонить из автомата в прокуратуру, телефон следователя он помнил наизусть.

– Почему вы так уверены, что это те самые часы? – спросил следователь.

Володя перечислил подробно все приметы старинной вещицы.

Вскоре выяснилось, что часы сдала в антикварный магазин одинокая старушка, жительница коммуналки в одном из арбатских переулков.

Она категорически заявила, что это ее вещь, доставшаяся по наследству. Две ее соседки, такие же старые и одинокие, подтвердили это.

– Подумайте сами, Владимир Сергеевич, – говорил следователь, – грабители вряд ли допустили бы, чтобы такая заметная вещь попала в московский антикварный магазин, да еще на Арбате. Они стараются сбывать награбленное в других городах... Вы могли ошибиться. Вещь хоть и редкая, но посмотрите, сколько похожих часов лежит на прилавках. Я понимаю, вам хочется помочь следствию, однако будет лучше, если каждый займется своим делом.

Но Володя не сомневался: это часы его прапрадеда, взятые бандитами из его дома, из той счастливой и прекрасной жизни, которой больше не будет никогда.

Следователь сказал, что часы в качестве вещественного доказательства больше не фигурируют. Их вернули в магазин. Володя потратил весь свой месячный заработок и то, что было в заначке. Купил часы. Кроме того, ему удалось выследить старушку, когда она пришла за деньгами.

Теперь все свободное время он крутился в тихом арбатском переулке, у старого, полуразвалившегося дома с коммуналками. Он изучил образ жизни одинокой бабульки, знал, когда она встает, когда отправляется в булочную, сколько времени проводит во дворе на лавочке, какие газеты покупает в киоске. Вскоре он убедился, что она не так уж одинока. Пару раз наведывался к ней невысокий плотный господин лет шестидесяти, одетый скромно и опрятно.

Следить за господином оказалось значительно сложнее, чем за старушкой. Он был крайне осторожен и, судя по его поведению, вовсе не исключал, что кто-то захочет за ним понаблюдать. Именно это больше всего и заинтересовало Володю в аккуратном толстячке.

Конкретно Володиной слежки толстячок не чувствовал, но без конца «проверялся». Довольно скоро Володя потерял его, так и не выяснив, где он живет и работает. Оставалось вернуться в арбатский переулок. Но и там

толстячок больше не появился.

Теперь время для Володи отсчитывали старинные золотые часы-луковка. Прижимая к уху холодный, но живой механизм, Володя думал о том, что исчезает день за днем, месяц за месяцем, а зло остается безнаказанным.

Он уже понял, что не успокоится, пока не выйдет на след банды. Но что дальше? Опять идти к тому разумному следователю? Опять видеть, как тонкая, с трудом пойманная ниточка ускользает из рук? Или доставать пистолет, расправляться с бандитами самостоятельно? Но это смешно.

Быстрое тревожное тиканье старинных часов, похожее на учащенный стук сердца, подсказало ему, что он должен делать. В школе Володя увлекался химией. После десятого класса пытался поступить в химико-технологический институт, но недобрал баллов, потом ушел в армию.

В однокомнатной квартире была темная маленькая кладовка. Там Володя оборудовал настоящую лабораторию. Для того чтобы сконструировать взрывное устройство, достаточно знать химию и физику на уровне средней школы. А если знания чуть выше этого уровня, голова светлая и руки толковые, то можно достичь небывалых успехов. Такие безобидные вещества, как марганцовка, сахарная пудра, сера, селитра, активированный уголь, доступны любому, купить их можно свободно и открыто, не вызывая ничьих подозрений.

Зло должно быть наказано. В Володиных умелых руках появилось реальное оружие. Он постоянно совершенствовал свои смертоносные игрушки. Главной его целью оставалась банда. Но иногда, видя слишком уже бесстыдные проявления зла, он не выдерживал. Случалось это крайне редко. Потом каждый раз он испытывал странное чувство звенящей холодной пустоты в душе. Он не мог понять, то ли это легкость от сознания выполненного долга, то ли душа леденеет, делается пустой и безжалостной. Он убеждал себя, что хитроумные взрывные устройства, над которыми он колдует в своей тихой кладовке, надо иногда испытывать. А как же иначе?

Между тем он упорно возвращался в арбатский переулок. Его тянуло туда, и он мерз на ветру, промокал под дождем, парился на солнце, ждал аккуратного толстячка. Но встретил его случайно совсем в другом месте.

На Сокольнической ветке случилась поломка в системе энергоснабжения. Бригада ремонтников, в которой работал Володя, была направлена туда по разнарядке. Во время перерыва Володя поднялся из метро на улицу, побежал к ларьку купить горячих бутербродов и буквально налетел на толстячка.

Забыв про бутерброды, Володя проследил, как долгожданная «ниточка» скрылась в проходной макаронной фабрики.

Взяв на работе неделю отгулов, которая накопилась у него за год, Володя с раннего утра дежурил у проходной. Он понял, что господин на этой фабрике работает. Оставалось узнать, где он живет. Володя выяснил и это. Теперь следить стало проще. Он понимал, что, скорее всего, пожилой господин имеет косвенное отношение к банде. Настоящие грабители молоды и выглядят совсем иначе.

В один прекрасный день удалось засечь встречу толстячка с молодым плечистым парнем в дорогой лайковой куртке и широких приспущенных штанах. Именно так, по Володиным представлениям, и должен выглядеть настоящий бандит.

С толстячка он переключился на молодого-плечистого. Парень ездил на новенькой синей «шестерке», встречался со стандартными длинноногими девицами (Володя насчитал их три штуки), шлялся по барам и казино, ошивался на оптовых рынках.

Прошло почти два года после той кошмарной майской ночи. Володя почувствовал, что вот наконец удалось ему выйти на живой след. Но случилось непредвиденное: владелец синей «шестерки» был арестован. Это произошло у Володи на глазах, просто и буднично, совсем не так, как показывают в кино...

След опять оборвался. Молодой-плечистый исчез за глухими стенами Бутырки. Толстячок мирно ездил каждый день на свою макаронную фабрику, оттуда – домой и ни с кем не встречался. Володя пытался выдумать предлог, чтобы позвонить следователю, но так и не выдумал. И только через три месяца ему пришла повестка в суд. Его вызывали в качестве свидетеля. Оказалось, что за это время успели взять еще двоих членов банды. Взяли совсем по другим делам, но тот, первый, вдруг стал «колоться», рассказывать об ограблениях.

Судебные заседания тянулись бесконечно долго. Приговоры, вынесенные троим убийцам, показались Володе невероятно мягкими. Он не чувствовал удовлетворения. Зло все еще не было наказано. Из показаний обвиняемых он понял, что главное зло сосредоточено в одном человеке, которого никогда не поймают. Даже члены банды не знали, как зовут их главаря. Во всяком случае, никто ни разу не назвал фамилии этого человека.

В показаниях бандитов, в судебных разбирательствах он фигурировал под кличкой Сквозняк.

Глава шестая

Свое первое слово Коля Козлов произнес в четыре года. Это слово было не «мама», не «папа». Звучало оно длинно, красиво и грозно: «олигофрения».

Никто из питомцев Дома малютки не начинал говорить раньше четырех лет. Одна нянька приходилась на двадцать малышей, ей едва хватало сил мыть двадцать обкаканых задниц, запихивать двадцать резиновых сосок в орущие слюнявые рты. От многолетней усталости, от смехотворной зарплаты, которую платили за каторжный труд, нянька совсем озверела. Возможно, где-то на самом донышке души и осталась простая человеческая жалость к вечно грязным диатезным, опрелым, никому на свете не нужным детенышам. Но в повседневной работе эта жалость никак не проявлялась. Не было на нее ни сил, ни времени. Свою работу нянька делала молча, строго по расписанию. Детский крик стал для нее настолько привычным, что часто она вообще его не слышала, а воспринимала как неизбежный обязательный неприятный фон.

Все без исключения дети в Доме малютки отставали в развитии. Даже те, которые рождались нормальными, здоровыми, без родовых травм и наследственных недугов.

С младенцем надо разговаривать, петь ему песенки, брать на руки, гладить по головке, нашептывать всякую ласковую ерунду. Но это невозможно, когда всего одна нянька на двадцать малышей.

К году здоровых детей уже трудно было отличить от больных. Врачи легко, без зазрения совести, штамповали здоровым детям стандартный диагноз: «олигофрения в стадии дебильности». Нет, никакого злого умысла в этом не было. Просто в специнтернатах для умственно отсталых детей педагоги получают солидную надбавку за вредность. Следовательно, в такие интернаты идут работать охотней, и самих интернатов больше, чем тех, которые предназначены для здоровых сирот. Меньше проблем с устройством ребенка после Дома малютки. И меньше проблем с воспитанием. Раз есть диагноз, значит, надо лечить. А лечить полагается сильнодействующими психотропными препаратами: аминазином, галоперидолом и прочей гадостью. Если умственно отсталый ребенок становится агрессивным и неуправляемым, его всегда можно отправить в психбольницу, где ему назначат инъекции.

У непослушного звереныша от укола сводит все тело, ему плохо, ему страшно. На какое-то время он становится шелковым, тихим, как ангел.

У милой пожилой женщины, детского психиатра, не сразу поднялась рука поставить стандартный диагноз в личном деле четырехлетнего Коли Козлова. Ребенок был такой хорошенький, с круглым правильным личиком, с живыми умными глазками. В отличие от большинства своих сверстников-детдомовцев, питомцев Дома малютки, он с двух лет начал самостоятельно пользоваться горшком, был опрятен в еде и, в общем, совершенно никаких признаков умственной отсталости не проявлял.

– Как тебя зовут, мальчик? – ласково спросила врач.

Он смотрел на нее исподлобья и улыбался.

– Как тебя зовут? Ну? Скажи: Ко-ля. Повтори за мной: Ко-ля.

Он молчал и улыбался.

– Хорошо, – вздохнула доктор, – давай поиграем в кубики. Этот кубик у нас какого цвета? Красный?

Мальчик молча взял зеленый пластиковый кубик у нее из рук, легко размахнулся и ударил углом по дорогим очкам доктора.

От неожиданности женщина дернула головой, очки слетели на пол, но не разбились. Ребенок молнией спрыгнул со стула и аккуратно, жесткой подошвой казенного сандалика раздавил стекла очков, растер по полу, словно это было какое-то мерзкое насекомое. При этом с лица его не сходила вполне осмысленная, спокойная улыбка. Он смотрел в глаза докторше. Казалось, он с любопытством и с удовольствием наблюдает за ее реакцией.

– Так, ну здесь все понятно, – сказала врач, поднимая с пола то, что минуту назад было очками, осматривая итальянскую тонкую оправу и прикидывая, можно ли будет ее починить, вставить новые стекла. – Типично олигофреническая агрессия.

Она бережно завернула оправу в чистый носовой платок, спрятала в карман белоснежного халата и уже уверенной, не дрогнувшей рукой написала в личном деле Коли Козлова: «Диагноз: олигофрения в стадии дебильности». У нее была привычка произносить вслух то, что она пишет.

– Олигофрения, – четко и медленно повторил вслед за ней мальчик.

Он выговаривал все до одной буквы, не картавил. Доктор сильно вздрогнула и уставилась своими близорукими без очков глазами на немного звереныша. Коля Козлов смотрел на нее спокойно, как бы оценивающе, уже без всякой улыбки. И больше не сказал ни слова.

В детскую память накрепко врезалось острое, жгучее удовольствие, которое он испытал, когда на лице большой важной тетки в белом халате мелькнули ужас и растерянность. До этого момента ничего не вызывало в его душе такой бури эмоций. Тогда он не понимал, что за это удовольствие расплатился пожизненным приговором. Для него, четырехлетнего, слово «олигофрения» еще ничего не значило, кроме причудливого, красивого сочетания звуков.

Жизнь в Доме малютки и в детдоме, куда его перевели после года, была крайне бедна впечатлениями и тем более удовольствиями. Общие игрушки не радовали. Они были общие, а значит, тебе не принадлежали. Еда давала на время приятное, теплое чувство сытости, но радостью это тоже назвать нельзя. Сверстники казались расплывчатыми смутными тенями в однообразной казенной байке какого-то тошного серо-коричневого цвета. От первых лет жизни в памяти остался только запах хлорки, белые халаты нянек, бритые головы соседей

сквозь прутья казенных кроваток.

В специнтернате сирот-первоклашек было чуть больше половины. Остальные дети оказались «домашними», как бы полуброшенными. Далеко не всех родители забирали домой на выходные и на каникулы. Однако моментально возникало жестокое деление на две касты: «домашние» и «детдомовские».

У большинства «домашних» родители были запойными алкоголиками, дома жизнь их оказывалась еще невыносимее, чем в интернате. Они возвращались избитыми, в синяках и ссадинах, набрасывались на интернатскую еду со звериной жадностью. Но все равно они считались детьми первого сорта.

И вот тут Коля Козлов в полной мере осознал свое абсолютное врожденное одиночество. У него нет и никогда не было матери, никакой, даже вечно пьяной, безобразно лохматой и вонючей. Никакой вообще. Никому в этом мире нет до него дела. Он люто возненавидел баловней судьбы, «домашних» детей.

Сироты начинали звать мамами всех подряд взрослых женщин – педагогов, нянек, уборщиц, медсестер. Каждой они заискивающе заглядывали в глаза и осторожно спрашивали:

– Ты моя мама?

– Нет, – отвечали им.

– А где моя мама? – с простодушной хитростью спрашивал ребенок, хотя прекрасно понимал, какой получит ответ.

– У тебя мамы нет. Тебя воспитывает государство.

Сам Коля никого мамой не называл и глупых вопросов не задавал. Когда при нем это делали другие, ему становилось противно, но одновременно он чувствовал свое превосходство. Он никогда не станет выклянчивать чужое ласковое слово, ему не надо, чтобы его гладили по головке из жалости.

Каждый день воспитанникам интерната полагалось для профилактики пить таблетки, которые медленно, но неотвратимо калечили мозг. Считалось, что без

медикаментозного вмешательства эти дети существовать не могут, становятся управляемыми и агрессивными.

Про таблетки Коля понял сразу, что пить их нельзя. Другие пили покорно, не задумываясь. Про психушки и уколы рассказывали ужасы в темной спальне ночами. А таблетки считались безобидными. Однако Коля их не пил, единственный из всех, хотя сам пока точно не знал почему. Он научился ловко прятать таблетки за щекой, так, что даже бдительная медсестра, заглядывая в рот, ничего не замечала. Он находил способ потихоньку выплюнуть и выбросить таблетки и после этого обязательно полоскал рот. Чутье подсказывало ему, что никто из сверстников не должен знать про его хитрость. Обязательно донесут медсестре или педагогам.

С рождения в Коле был заложен мощнейший инстинкт самосохранения, не только физического, но и интеллектуального. Он чувствовал: чтобы выжить, надо оставаться умным, не превращаться в дебила. Ему казалось, именно этого добиваются все, кто его окружает.

Дети хотят, чтобы он стал таким же, как они. Им обидно, что он умней. Взрослым удобно, если он тупой и послушный. Все – враги. Все хотят ему зла. Но он сильный и умный, он должен перехитрить и победить.

Умственно отсталых детей учили не особенно старательно. У них были специальные учебники – для вспомогательной школы. Коля освоил грамоту по такому спецбукварю за две недели. Через месяц он читал по слогам. Через два месяца прочитал весь букварь, от корки до корки. На уроках он отвечал лучше всех. Это никого не удивляло и не радовало.

Однажды в третьем классе, прочитав на доске условие контрольной задачки, он громко произнес:

– Ну-у, фигня! Любой придурок решит.

– Ты что, Козлов, самый умный? – вяло поинтересовалась учительница.

– Да, – просто ответил он, – здесь я самый умный.

Учительница взбесилась, поставила его в угол на весь урок. И весь урок класс был занят тем, что грубо потешался над «самым умным олигофреном». Когда какая-то «домашняя» девочка высказала идею набить «умному» морду, Коля спокойно вышел из угла, не обращая внимания на учительницу и на детей, подошел к девочке, сильно ударил ее носом о парту и спокойно вернулся в свой угол. При этом он испытывал такое же жгучее удовольствие, как когда-то в детдоме, растоптав очки важной докторши. Но вскоре он понял, какова расплата за такой вот минутный кайф.

Учительница поволокла его за шиворот в спальню, бросила на кровать и отправилась за медсестрой. Оставшись один, он поудобней улегся на застеленной кровати и стал спокойно ждать, что будет дальше.

Ждать пришлось недолго. Через несколько минут в спальню вошли медсестра и воспитательница.

– Козлов, – сказала воспитательница, – ты наказан. Гулять сегодня не пойдешь. Встань.

«И всего-то! – обрадовался Коля. – Подумаешь, фигня какая!»

Вставать он не собирался, даже бровью не повел.

– Встань, Козлов, – повторила воспитательница. Он продолжал лежать, удобно раскинувшись на койке. Медсестра молча наклонилась над ним, расстегнула штаны и стала их стягивать. Тут до него дошло, что сейчас произойдет. Его разденут догола и унесут всю одежду.

Прозвенел звонок, и в спальню стали заглядывать любопытные лица одноклассников. Медсестра и воспитательница не чувствовали никакого сопротивления и спокойно его раздевали. Брюки были почти сняты, и тут Коля, изловчившись, брыкнул обеими ногами мягкий живот медсестры. Одновременно, легко размахнувшись, он вмазал кулаком в лицо воспитательницы. Обе женщины растерялись от неожиданности и боли. А он уже ловко натянул штаны, вскочил на ноги и бросился вон из спальни, разбросав сгрудившихся у двери детей.

– Козлов! – завопил ему вслед кто-то из одноклассников. – Поймают, в психушку отправят!

«Пусть! – думал он и неся по коридору так, что ветер свистел в ушах. – Пусть в психушку! Только бы не раздевали догола при всех! Хуже ничего не бывает».

Но довольно скоро он понял, что ошибся. Бывает значительно хуже.

Наперерез ему уже бежал воспитатель старших классов, здоровенный молодой мужик. Снизу по лестнице тяжело топал дворник Макарыч. С обеих сторон подступали опомнившиеся и разъяренные воспитательница с медсестрой. Он знал, сопротивляться бесполезно, но все равно, когда его схватили, продолжал брыкаться, умудрился укусить Макарыча за палец до крови.

Через двадцать минут, привязанный к носилкам специальными кожаными ремнями, он лежал в фургоне детской психиатрической перевозки, но все еще извивался, брыкался и поливал фельдшера с врачом отчаянным матом.

– Не ори, уколою, – предупредила врача.

– Да пожалуйста! Я не боюсь! Все равно буду орать, – буркнул Коля и продолжил матерную тираду.

Машина встала на светофоре.

– Не боишься? – Врачиха нехорошо ухмыльнулась. – Давай-ка, Василек, аминазинчику ему двадцать миллиграмм, внутримышечно.

Фельдшер молча наполнил шприц, выпустил воздух, ловко повернул привязанного Колю чуть на бок, приспустил штаны, мазанул по коже ваткой со спиртом и быстрым движением всадил иглу.

Было больно, но не слишком. Сначала он вообще ничего не почувствовал. Однако довольно скоро у него закружилась голова, во рту пересохло, тело сковала какая-то противная потная слабость, а главное, свело ноги и руки, как будто он сразу все отсидел. И совершенно пропала охота орать.

«Нет, это не ерунда, – думал он, пытаюсь преодолеть отвратительные ощущения, – теперь я понимаю, почему все боятся. Это в сто раз хуже, чем таблетки».

Таблетки можно потихоньку выплюнуть. Ядовитую гадость из тела не выдавишь. Она моментально всасывается и делает из тебя придурка. От укола тупеешь и слабеешь. А сколько их будет в больнице?

Надо стать тихим, шелковым. Пусть они думают, что он все понял. Пусть они забудут, как он дрался, вопил.

Коля закрыл глаза и притворился, будто спит. В приемном покое воняло марганцовкой. Кафельные стены делали голоса гулкими, а крик отдавался эхом.

– Не надо! Пустите меня! Я больше не буду! Домой хочу! А-а-а! – Худящая бритая наголо девочка лет десяти, совершенно голая, извивалась в руках двух теток в белых халатах и в марлевых повязках на лицах.

Тетки пытались натянуть на нее больничную проштампованную рубашу с рукавами до полу. Она брыкалась, норовила укусить, оттолкнуть локтями и кулаками. Но тетки были сильнее. Их двое, она одна. Они быстро и ловко справились с девочкой, натянули рубашу, рукава связали за спиной. Девочка уже не орала, а тихо, безнадежно всхлипывала.

– Я больше не буду, тетеньки, отпустите домой к маме. Меня мама ждет, волнуется. Отпустите.

– Ну что ты врешь, Колпакова, – устало вздохнула одна из теток, – какая мама? Ты же детдомовская.

В ответ девочка тихо завывала, как больной щенок. Тетки быстро увели ее.

«Ну и дура», – подумал Коля, проводив девочку равнодушным взглядом.

Он послушно дал себя раздеть, помыть в облупленной, коричневой от марганцовки ванне.

Он даже помогал, приветливо улыбался пожилой няньке и думал о том, что мог бы с такой вот бабушкой справиться одной левой, если б захотел. Да что толку? Мигом набегут мощные тетки, дядьки-санитары.

Нянька натянула на него обычную рубаху с короткими рукавами.

– Вот хороший мальчик, тихонький, – приговаривала она, провожая его в палату.

Из десяти коек была свободна только одна, у окошка. Туда и положили Колю. Он не успел разглядеть своих соседей. Пришел врач, маленький, щупленький, в смешных круглых очечках, висевших на кончике длинного носа.

– Ну что, Коля Козлов, драться будем? – спросил он.

– Не будем, – Коля виновато потупился, – я был не прав. Я хочу попросить прощения у всех, кого обидел.

Врач взглянул на него с интересом. Действие укола еще не прошло, соображал Коля с трудом. Но чутье не подводило. Надо понравиться этому хлюпику. От него многое зависит. Коля сразу возненавидел хлюпика за это. Но опускал глаза и изображал раскаявшегося тихоню.

Он спокойно и разумно отвечал на вопросы, дал себя послушать, осмотреть. Врач снисходительно потрепал его по загривку и ушел. А потом пришла сестра со шприцем. Стиснув зубы, дрожа от ненависти, Коля дал себя уколоть.

– Ты думаешь, ты здесь самый умный? – спросил мальчишка с соседней койки. – Вон такой же умный лежит.

Коля взглянул туда, куда указывал сосед. Там, бессмысленно улыбаясь и раскачиваясь, как неваляшка, сидел парень лет восьми с дебильным лицом.

– Овощ, – прокомментировал сосед, – говно свое ест. Тоже умный был, тихий, все терпел. Но не выдержал, выхватил однажды шприц у сестры и всадил ей в ногу. Теперь овощ. А вон тот, тоже умный, окошко ночью в коридоре вышиб. Сбежать хотел. Тоже овощ. Дрожит с утра до вечера.

– Аминазину! Аминазину мне! – заорал кто-то из другого конца палаты.

Невероятно жирный парень сполз со своей койки и забился на полу, задергался, завизжал, как поросенок. В палату тут же вошли санитар и сестра со шприцем наготове. Толстяка водрузили назад на койку, вкололи полный шприц. Он затих.

– Тоже овощ? – шепотом спросил Коля соседа.

– Пень.

– Это как?

– Отсюда в психоневрологию пойдет, в интернат. На инвалидность.

На этот раз вкололи что-то другое, не аминазин. Захотелось спать, глаза закрывались сами собой. Но надо было договорить с соседом, единственным нормальным на всю палату. Раз он сумел таким остаться, значит, с ним надо договорить, чтобы все знать заранее.

Звали его Славик. Он был старше Коли на год. Такой же детдомовский, с таким же диагнозом.

– А ты? – спросил Коля, тараща глаза, чтобы не закрывались. – Ты как овощем не стал?

– Я пока терплю. Но скоро не выдержу. Я здесь уже в третий раз лежу за этот год.

– За что?

– Сбегаю. Не могу. Маму хочу найти.

«Такой же, как все», – с презрением подумал Коля и сам не заметил, как уснул.

Когда он открыл глаза, был тусклый рассвет. Кусок сизого зимнего неба сквозь зарешеченное окно, обход, целое стадо врачей и сестер в белых марлевых

масках, опять укол, потом завтрак, такой же, как в интернате: рисовая каша, жидкое приторное какао, кубик масла в капельках воды на ломте серого хлеба. За столом многие ели кашу руками или лакали из мисок, как собаки.

Кроме уколов, давали еще таблетки, три раза в день. Он не глотал, так же, как в интернате, ловко прятал за щекой, а потом выплевывал. Но однажды проглотил нечаянно, хотел побежать в туалет, сунуть скорей два пальца в рот, чтобы вырвало. Но стало лень бежать, и сил не было. Один раз – ничего страшного, решил он. А вечером опять нечаянно проглотил две таблетки.

«Надо отсюда сматываться, – думал Коля, – иначе станешь овощем или пнем».

Однако думалось ему как-то вяло, тяжело. В мозгу стоял плотный туман, такой же сизый, как небо за окном, как лица «овощей». И почему-то все время хотелось есть. Голод сделался главным чувством и рос с каждым днем, заслоняя все остальное – ненависть, страх, отчаяние.

Славика перевели куда-то на другой этаж. Теперь вместо него на соседней койке лежал совсем маленький мальчик, не старше шести. Он ни с кем не разговаривал, только плакал, накрывшись с головой одеялом.

Как-то за ужином, с дикой жадностью слизывая комочки картофельного пюре с тарелки, он вдруг услышал:

– Козлов, не делай этого. Перестань.

Он поднял глаза. Над ним стоял Славик.

– Меня завтра выписывают, – тихо сказал он, – я больше сюда не попаду. Сбегать не буду. Нет у меня никакой мамы. Если и была, то бросила меня, сволочь, и искать ее нечего. А я выдержал, Козлов, выдержал. Морду никому не набил, вел себя тихо. И меня выписывают, назад в интернат. Я отойду от уколов, стану опять нормальный. А ты, Козлов, не вылизывай тарелку, как собака. С этого все начинается.

Он ушел, не оглядываясь. Коля смотрел ему вслед и думал: как же не вылизывать тарелку? Жрать-то хочется, а там столько остается. Как же не

вылизывать?

Однажды Коля проснулся среди ночи от того, что простыня под ним была мокрой. Он сначала не сообразил, что произошло, а потом его вдруг обожгло, как каленым железом. Нет. Вот этого не будет. Никогда.

В интернате таких называли писунами. Над ними издевались все, кто как хотел. Лучше умереть, чем стать писуном, или пнем, или овощем. Славик прав, нельзя вылизывать тарелку, как собака. С этого все начинается. Славик выдержал, и он выдержит, тоже отойдет от уколов.

Коля тихо встал, содрал с койки мокрую простыню, под которой была рыжая клеенка, прошел на цыпочках в коридор. Дежурная сестра спала за своим столиком, уронив голову на руки. Из открытой двери ординаторской слышался приглушенный смех. Там пили чай фельдшер и дежурный врач. Коля бесшумно прошмыгнул мимо, никто его не заметил.

В пустой умывалке мерцал мутный люминесцентный свет. Коля постирал простыню в раковине, аккуратно развесил на раскаленной батарее. И стал отжиматься на кафельном полу, повторяя шепотом:

– Я не буду писуном. Я не буду овощем. Раз, два, три... Я не буду пнем... четыре, пять, шесть... Я всех ненавижу... семь, восемь, девять...

От слабости дрожали руки, пот тек в глаза, голова кружилась, хотелось лечь на холодный кафельный пол, распластаться, как тряпка, и ни о чем не думать. Но он продолжал. И пока не отжался двадцать раз, не позволил себе передохнуть. А потом умыл лицо ледяной водой и сделал еще десять приседаний.

Утром за завтраком он старался есть красиво и опрятно, не спеша, не пачкая лицо кашей. Искушение вылизать тарелку было сильным, каша кончилась, а есть все еще хотелось. Но Коля отнес тарелку в мойку. А в обед было уже легче с собой справиться.

Ночью он дождался, когда в коридоре станет тихо, прошмыгнул в умывалку. Удалось отжаться уже двадцать пять раз и сделать двенадцать приседаний...

Через три дня его выписали. Оказывается, он провел в больнице всего две недели. Теперь он знал точно, что больше никогда сюда не попадет. Ни за что на свете.

Но так думали многие интернатские дети после первой «ходки» в психушку. И многие попадали туда вновь, до тех пор пока вообще не переставали о чем-либо думать.

Оставаться нормальным среди олигофренов, умным среди дураков очень трудно, особенно когда тебе только девять лет и ты еще не отошел от уколов, в голове тяжелый туман, руки слабые, а все вокруг только и ждут, чтобы ты сорвался.

Вся интернатская жизнь состояла из бесконечной цепи взаимных злобных нападков и провокаций. Никому нельзя было верить. Дети продавали друг друга моментально, из страха перед наказанием или за половинку печенья, за карамельку, за любой съедобный кусок. Коля научился легко справляться с голодом. Он знал, есть удовольствия куда более яркие, чем половинка печенья.

Например, за сладкий кусок можно заставить какого-нибудь ненавистного «домашнего» ребенка покукарекать на уроке, на глазах у всех слизать твой плевок, вытащить несколько рублей из кошелька учительницы. Но особенно приятно было потом не дать «домашнему» этот заслуженный сладкий кусок.

Если в результате возникала драка, Коля старался подманить обманутого, доведенного до истерики однокашника поближе к учительской, ловко уворачивался от ударов, мог сам врезать, но только так, чтобы никто не видел. Очень быстро драчунов разнимали. И всегда виноватым оказывался не Коля.

Почувствовав в нем опасность и силу, к нему стали тянуться мальчики, нуждавшиеся в лидере. Он быстро сколотил вокруг себя нечто вроде свиты. В свиту входили только детдомовские, всего пять человек, – пять избранных, которые подчинялись Коле Козлову беспрекословно. Тень его силы падала на этих пятерых счастливых, их тоже боялись, им тоже подчинялись остальные. И за это они готовы были жизнь отдать за своего жестокого лидера.

Он умел выкручиваться из самых сложных передрыг, которые затевал иногда с помощью свиты, иногда сам. Но всегда только он один понимал, что происходит, сознательно наслаждался бешенством больных детей и растерянностью усталых

издерганных взрослых. В скучной интернатской жизни Коля развлекался, как мог. И вместе с ним развлекалась маленькая верная свита.

Иногда он выбирал какого-нибудь «домашнего» ребенка, как правило, самого благополучного, спокойного, и начинал методично издеваться над ним. Ночью кто-нибудь из свиты мочился в баночку, потом это выливалось потихоньку в постель к выбранной жертве. И тут же раздавался крик:

– Ой, не могу! Воняет! Писун! Вонючка!

В итоге ребенок бился в истерике, пытаясь доказать, что он не «писун», доводил себя и воспитателей до исступления. И в конце концов оказывался в больнице.

Изобретательность маленького пахана не знала границ.

Было так забавно среди ночи устроить подушечный бой в спальне, довести легко возбудимых олигофренов до полного безумия, а потом самому тихонько выскользнуть, разбудить дежурного воспитателя и сообщить испуганным доверительным шепотом:

– Мария Петровна, посмотрите, что там творится. Они все с ума посходили.

И еще забавней было наблюдать, как пожилая, полная, растрепанная со сна женщина носится по беснующейся палате, пытаясь навести порядок. А потом шепнуть ей на ухо:

– Это все Сидоров, он в последнее время такой странный стал, даже страшно.

Иногда все кончалось тем, что несчастного Сидорова отправляли в больницу на следующий день. И никому не приходило в голову заподозрить спокойного, рассудительного Колю Козлова.

– Мария Петровна, вы пойдите поспите. Если опять начнется драка, я вас быстренько разбужу, – с искренним сочувствием в голосе говорил Коля измотанной воспитательнице, – вы не волнуйтесь, вам поспать надо.

Он научился делать чистые, невинные глаза, тонко, по-взрослому льстить воспитателям и учителям. Им трудно было предположить, что в ребенке с таким диагнозом может быть столько изощренного коварства, даже если этот ребенок отличается от других детей и является безусловным лидером в классе. Люди опытные и внимательные, они легко распознавали детские хитрости. Но Коля Козлов хитрил по-взрослому, слишком уж нагло и цинично.

Чутье подсказывало, что перехитрить здесь можно всех, кроме одного человека – директрисы Галины Георгиевны. Она не покупалась на его чистые, невинные глаза и разумные речи. Он кожей чувствовал ее особое, настороженное отношение к себе. Это было опасно.

Высокая широкоплечая фигура в темно-синем кримпленовом костюме и белой блузке всегда появлялась неожиданно и бесшумно – в спальне, в классе, в игровой комнате. Несколько минут она стояла и молча наблюдала. Когда ее замечали – вздрагивали, замолкали, вытягивались по стойке «смирно» не только дети, но и воспитатели и учителя. Позже Коля Козлов перенял у нее эту манеру. Ему нравилось видеть испуг и замешательство, нравилось заставить врасплох.

Широкое грубое лицо всегда было покрыто толстым слоем розовой пудры. Модная в те времена перламутровая помада делала тонкие губы еще тоньше и суше. Аккуратно подведенные черными стрелками маленькие водянисто-голубые глаза глядели прямо в душу. Вытравленные до белизны волосы были уложены в сложную модную «халу». Пахло от директрисы сладкими духами «Красная Москва».

Этот запах и весь образ навсегда врезался в память не только Коле Козлову, но и всем воспитанникам специнтерната. В маленьком жестоком интернатском мирке от ее воли зависело все.

Галина Георгиевна никогда не повышала голоса. Наоборот, говорила очень тихо, и все замолкали, стараясь расслышать каждое слово. Эту манеру Коля тоже запомнил и использовал потом, в своей взрослой жизни.

Самого сильного и влиятельного человека лучше иметь в союзниках, чем во врагах. А еще лучше – в должниках.

Разумеется, особое расположение всесильной директрисы пытались заслужить многие. Но она не поддавалась ни на грубую лесть, ни на примитивное стукачество, ни на заискивающую ласку и услужливость. Коля наблюдал за жалкими тщетными попытками других подлизаться к Галине Георгиевне, терпеливо ждал подходящего момента. Он знал: директрису не купишь глупой лестью и примерным поведением. Только поступком. И подходящий случай представился.

Стоял очень холодный февраль. Третьеклассник Гарик Голованенко, «домашний» ребенок с реальной, серьезной олигофренией, вскарабкался по пожарной лестнице на крышу пятиэтажного здания интерната и, стоя на самом краю, вопил как резаный:

– Ща прыгну, с-сука! Пусть тя пас-садят... Довела, сволочь... – Истерика была адресована не кому-нибудь, а самой Галине Георгиевне.

Весь интернат высыпал во двор, задрав головы, все смотрели на Гарика, который балансировал на скользком обледенелом краю, держась одной рукой за хлипкое металлическое ограждение.

– Ща кто шагнет – прыгну! – орал он и сдабривал свое обещание отборным матом.

И никто не решался шагнуть к пожарной лестнице.

Коля замер вместе со всеми. Голова его работала лихорадочно быстро. Если этот придурок сорвется, директрису посадят. Другого такого шанса не будет...

Он знал, как с пятого этажа попасть на чердак. Оттуда прямой ход на крышу. Пока все стояли и смотрели, Коля рванул на пятый этаж, ногой выбил чердачную дверь. Она была на замке, но замочные ушки держались на расхлябанных винтах. Через минуту он полз по обледенелой крыше. Гарик его не видел, но снизу заметили, и воцарилась гробовая тишина.

Одна нога Гарика соскользнула. Ему было трудно держаться за ледяное железо ограждения рукой без варежки. В тот момент, когда онемевшие от холода пальцы разжались, Коля Козлов крепко схватил его за запястье. От неожиданности Голованенко сильно дернулся, его вторая нога потеряла опору,

он уже по пояс болтался внизу. Он падал и тащил за собой Колю, при этом еще продолжал истерить, орать, теперь уже ему в лицо, мерзко брызгая слюной:

– Отпусти, с-сука, не хочу жи-ить! Пусти, сказал! – А сам крепко цеплялся за вторую Колину руку и всей тяжестью тащил за собой, вниз, на припорошенный снегом асфальт интернатского двора.

Внизу наконец опомнились. На крышу по пожарной лестнице уже поднимались санитар и дворник Макарыч.

– Держись, пацаны! – повторял дворник. Санитар карабкался молча, только пыхтел. Коля одной рукой стискивал запястье Гарика, другой изо всех сил держался за ограждение. Он тоже был без варежек, и пальцы начинали неметь. К тому же тощий на вид Гарик оказался страшно тяжелым. Его крик слился в одно сплошное «А-а-а!..». Он уже не произносил матерных слов, просто орал, так что у Коли звенело в ушах. Дождавшись короткой паузы, он тихо, сквозь зубы, произнес:

– Заткнись, а то отпущу.

И Гарик послушно заткнулся. Он опять начал орать только тогда, когда санитар волок его с пятого этажа, уже связанного специальными полотенцами. Он понимал, теперь ему одна дорога – в психушку. Пощады не будет. За несколько минут кайфа, который он испытал, выкрикивая с крыши все, что думает о всевластной директрисе, он будет расплачиваться долго и страшно. Затих он только после того, как в машине детской психиатрической перевозки ему вкололи несколько кубиков аминазина.

Директриса подошла к Коле и обняла его за плечи. Под слоем пудры было видно, что лицо ее все еще бледно-землистого цвета...

В психушке из Голованенко могут сделать «овоща» – идиота, который будет ходить под себя, поедать собственные фекалии. Это произойдет законным образом, и никто не понесет ответственности. Но если бы ребенок сорвался с крыши и погиб, Галине Георгиевне грозила бы тюрьма.

– Ну что, Коля Сквознячок, замерз? – спросила она и ласково взъерошила ему волосы.

Она сама не знала, почему назвала мальчика «Сквознячком». Возможно, потому, что он был тихий, быстрый, бесшумный, умел появляться ниоткуда и исчезать в никуда. Она и раньше обращала на него внимание, он сильно отличался от остальных ее воспитанников. Она прекрасно понимала: этот ребенок совершенно здоров, нормален, более того – умен не по годам. Такие дети уже встречались в ее многолетней практике. Редко, но встречались.

В молодости Галина Георгиевна пыталась за них бороться, иногда ей удавалось добиться снятия диагноза. Но это была такая нервотрепка, что даже вспоминать не хотелось. И она постепенно привыкла не замечать нормальных детей, не выделять их из общей массы. Тем более они очень быстро с этой массой сливались. Одна-две госпитализации, и ребенок становился как все.

Но Колю Козлова трудно не заметить. Он был лидером. Интуиция и многолетний опыт подсказывали, что от этого мальчика следует ждать серьезных неприятностей. «Хитер, ох хитер», – думала директриса, изредка останавливая на нем холодный цепкий взгляд.

Однако предположить, что однажды именно Коля Козлов спасет ее от тюрьмы, Галина Георгиевна никак не могла. И растерялась. Надо ведь как-то наградить ребенка за хороший поступок.

– Послезавтра воскресенье, – сказала она, прижимая стриженную ежиком голову мальчика к своей большой мягкой груди, – я возьму тебя домой, Коля Сквознячок. Хочешь?

Детдомовских иногда, очень редко, брали домой на выходные воспитатели и учителя. Директриса за всю историю интерната никогда никого не брала.

– Хочу, – еле слышно ответил Коля. От жесткого кримплена пахло табаком и «Красной Москвой».

– Ну, беги в столовую, Сквознячок, скажи, я велела, чтобы тебя чаем горячим напоили.

Этот разговор слышал весь класс. Он проходил в полной тишине. Дети и два воспитателя, затаив дыхание, ловили каждое слово. С тех пор кличка

Сквознячок приросла к Коле Козлову намертво.

Глава седьмая

– Здравствуйте, простите за беспокойство, – произнес в трубке незнакомый мужской голос, – вы меня не знаете...

– В чем дело, молодой человек? Куда вы звоните? – строго спросила Надежда Павловна Салтыкова.

– Дело в том, что этот номер недавно принадлежал фирме «Стар-Сервис», и у меня к вам огромная просьба...

– Вы что, издеваетесь? – выкрикнула Надежда Павловна. – Мы уже про «Стар-Сервис» слышать не можем! Оставьте нас в покое.

– Подождите, простите... – взмолился Антон Курбатов, но в трубке уже раздавались частые гудки.

– Мамуль, это кто? – крикнула из комнаты Вера, не поворачивая головы от экрана компьютера.

– Не туда попали. Опять эта чертова фирма, – ответила Надежда Павловна, – скоро я вообще буду отключать телефон.

– Нет, так ничего не выйдет, – пробормотал Антон себе под нос, – наверное, этих людей действительно достали звонками. Но факс у них есть. Ведь аппарат в Агнешкином офисе просигналил, что сообщение прошло. Интересно, куда они дели ту бумажку? Ведь могли просто выбросить. Тогда все...

Ему стало не по себе. Неужели он так и не узнает, что хотел сказать брат за несколько минут до смерти? Предупреждал об опасности? Сообщал имя убийцы? Нет, убийцы обычно безымянны, во всяком случае, наемные киллеры... Судя по всему, Дениску заказали. Мотивом была месть, и Антон догадывался, кто мог так отомстить брату.

Год назад Дениска отправился в Турцию. Это была очередная идиотская авантюра. Братья Курбатовы не то чтобы решили заделаться челноками, но тогда не было других вариантов заработка, а жить без денег и без дела они не могли. Один знакомый посоветовал рискнуть, уверял, что сам два месяца назад без особых усилий заработал три с половиной тысячи долларов.

Знакомый рассказал, что в городе Эскишехир, между Анкарой и Стамбулом, есть фабрика, где шьют дубленки. Место не курортное, до моря далеко, туристов и вообще приезжих мало. Поэтому цены там просто смехотворные. Он даже назвал адрес конкретного магазина, в котором можно оптом закупить партию дубленок. Турок, владелец того магазина, отдает отличный товар по сто долларов за штуку. Если хорошо поторговаться, можно по восемьдесят. А в Москве такие шубки идут по четыреста-пятьсот. Учитывая все издержки на дорогу, жилье и процент реализатору, прибыль все равно получается очень приличная.

Конечно, лучше бы лететь за дубленками вдвоем. Но братья посчитали, что одному дешевле. К тому же надо было найти в Москве надежных продавцов, ведь не самим же стоять на рынке.

В Анкару Денис прилетел утром, а до города Эскишехир добрался на поезде только к позднему вечеру. Город показался ему неприятным, грязноватым. Но какая разница? Ведь он приехал сюда на два дня, не больше. Завтра утром отправится в тот магазин, о котором рассказывал приятель, а еще через сутки улетит домой с партией дубленок.

Денис отправился искать гостиницу подешевле. Вещей у него не было, только легкая спортивная сумка. С ярко освещенных людных улиц он незаметно забрел в какие-то темные глухие переулки. И тут на него налетели трое, повалили на землю. Он стал сопротивляться. В кармане легкой джинсовой куртки лежал бумажник, а там – тысяча долларов, загранпаспорт, обратный билет. Еще тысяча лежала в сумке, в особом кармашке на «молнии».

Били Дениса долго и больно, ногами, все трое. В какой-то момент он потерял сознание, а когда очнулся, обнаружил, что лежит поперек кривой темной улицы. Ни куртки с бумажником, ни сумки при нем, разумеется, не оказалось.

У него хватило сил встать, добрести до более людного и светлого квартала. Пока он шел, его несколько раз вырвало, голова страшно кружилась, ноги не держали. Между тем настала ночь, народу было совсем мало. Он пытался спросить по-английски, где полиция, но редкие прохожие шарахались от него в ужасе.

Шатаясь, как тростинка на ветру, он вышел на проезжую часть, стал голосовать, однако машины проносились мимо. Когда ему уже казалось, что сейчас он умрет прямо здесь, в чужом турецком городе, возле него резко затормозил старенький черный «Фольксваген».

– Вам нужна помощь, сэр? – спросили его на хорошем английском.

За рулем сидела девушка с длинными светлыми волосами. Она показалась Дениске ангелом неземной красоты.

– Помогите мне, пожалуйста, – забормотал он окровавленным ртом, – меня только что избили и ограбили, я русский, у меня нет ни денег, ни документов. Мне надо в полицию.

– О'кей, – кивнула она, вышла из машины, помогла ему забраться на заднее сиденье и повезла куда-то.

Он решил, что они едут в полицию, и опять вырубился.

Очнулся он в маленькой темной комнате на какой-то чужой широкой койке и долго не мог понять, где находится. Потом стал смутно вспоминать, как его тащили, укладывали в постель чьи-то сильные руки, как подносили к губам стакан с водой. Он помнил только обрывки, детали и понять пока ничего не мог.

Он попытался подняться с койки. Все тело ныло, как один сплошной синяк. Голова была забинтована. Он огляделся. Ему показалось, что это номер в дешевой гостинице. Облупленный комод, за пластиковой шторкой – стоячий душ и унитаз. Над комодом висело большое зеркало, и он увидел свою разбитую физиономию, забинтованную голову. Ко всему прочему, на нем не было ничего, кроме каких-то цветастых плавок, явно чужих.

Сначала он подумал, что ему невероятно повезло: он жив. А ведь те трое могли забить насмерть. Он не покалечен, ничего не переломано, пары зубов не хватает, но, к счастью, коренных, а не передних. Однако через минуту он спохватился: а что дальше? Он не знает, где находится, у него ни документов, ни денег. Обратный билет на самолет пропал вместе с бумажником.

Денис отодвинул жалюзи и выглянул в маленькое окно. Комната находилась невысоко, не выше третьего этажа. Внизу был глухой узкий двор-колодец, окруженный серыми стенами домов с маленькими черными окошками, за которыми, казалось, никто не живет. Впрочем, от одного окна к другому над двором тянулась веревка. На веревке сушились простыни и детские ползунки.

Дверь открылась, и в комнату вошла высоченная коренастая блондинка в джинсовых шортах и в майке без рукавов.

– Ты уже в порядке? – спросила она. – Есть хочешь?

Ее звали Каролина, она была из Швеции. Запивая холодную пиццу теплой пепси-колой, Денис узнал, что целые сутки провалялся без сознания.

– Это не гостиница, а маленький частный пансион, – объясняла Каролина, – я здесь снимаю комнату. Наверное, у тебя сотрясение мозга. Но ведь медицинской страховки у тебя нет, поэтому врача я вызывать не стала. А в местную полицию лучше не обращаться.

– Мне надо в российское консульство, – догадался Денис, – сначала надо получить какой-то документ.

– И как ты собираешься добираться до Анкары? – хитро прищурилась шведка. – На какие деньги собираешься покупать билет на самолет? Ты, кстати, из какого города в России?

Из трех вопросов он сумел ответить только на последний.

– Я из Москвы.

– О, это замечательно, – сказала Каролина, – совсем недавно я познакомилась с одним сладким мальчиком из Москвы. Мы провели чудесную неделю в Анталии, в бунгало на берегу. Он не говорил по-английски, но мы отлично понимали друг друга. Море шумело у наших ног, это было так романтично. Ты ревнуешь? Не стоит, малыш. – Она нежно погладила его по щеке.

– Нет, я не ревную, – вздохнул Денис. – Так как же мне добраться до Анкары, до консульства?

– Уж если я подобрала тебя на улице и привезла к себе, то не выбрасывать же тебя опять на улицу в таком состоянии. Сначала тебе надо немного окрепнуть, а уж потом мы что-нибудь придумаем. – Каролина улыбнулась. – Мы с тобой – два европейца в этой дикой азиатской стране и должны помогать друг другу.

Три дня они не вылезали из койки. Мускулистая шведка была неугомонна и изобретательна. В перерывах она меняла повязку у него на голове, смазывала ссадины каким-то розовым гелем, убегала и возвращалась с гамбургерами или пиццей на картонных тарелках.

Все это время они почти не разговаривали. Он рассказывал ей, что занимается маленьким бизнесом и в Турцию приехал за дешевыми дубленками. Она о себе сообщила некую смутную информацию, назвалась студенткой, но ничего более конкретного о своей страстной подружке Денис узнать не сумел. Она даже фамилии своей не назвала, и он тоже не стал представляться полностью. Зачем, в самом деле, фамилии в такой неофициальной обстановке?

Иногда он проваливался в тяжелый, тревожный сон, просыпался среди ночи весь в поту от слабости и думал о том, что, в общем, ему действительно повезло. Он представлял, как будет рассказывать Антошке о своих турецких приключениях. Конечно, он не был настолько наивен, чтобы предполагать, будто мускулистая красавица приютила его только из сострадания к собрату-европейцу и ради бурного, продолжительного секса.

Денис предполагал, что за гостеприимство придется расплачиваться не только любовью. Каролина хоть и не обещала ничего конкретного, но заверила, что на улицу не выбросит. Он был готов сделать все, о чем она его попросит. Он был ей искренне благодарен и считал, что она спасла ему жизнь. Если бы не она, Денис так и умер бы там, на грязной мостовой, его бы переехала машина, и никто

никогда не нашел бы его безымянной могилы. Прекрасная шведка спасла его, она поможет добраться до Москвы. Но не худо бы все же узнать о ней побольше...

В одном из ящиков комода он обнаружил альбом для фотографий с трогательными голубками на обложке. Там была около двадцати полароидных снимков. Шведская красотка щедро демонстрировала свои пышные прелести на фоне морского пейзажа. На большинстве фотографий она была одна. Но в конце альбома Денис увидел ее в обнимку с молодым человеком.

Парень в узких плавках был почти на голову ниже Каролины, отлично сложен. Он глядел в объектив чуть исподлобья. Лицо его показалось Денису ничем не примечательным и вполне приятным.

«Мой сладкий русский медведь», – было написано под снимком по-английски.

На двух последних снимках «сладкий медведь» был запечатлен в одиночестве на фоне живописного заката. На одном он сидел в шезлонге и потягивал апельсиновый сок через трубочку, на другом было крупно заснято лицо. И под этим снимком надпись по-английски:

«Я знаю, мы увидимся вновь, мой маленький русский Иван».

Денис брезгливо чертыхнулся и убрал альбом назад, в ящик.

На четвертый день она принесла ему джинсы, майку и большую спортивную сумку. Из его одежды остались только кроссовки. Каролина сказала, что все остальное она выкинула.

– Твоя одежда была грязной. А стирать здесь негде.

Денис принял душ, нашел пачку одноразовых лезвий на полочке, побрился. Ссадины на лице уже не выглядели так ужасно, повязку с головы можно было снять.

Каролина критически оглядела его, достала из ящика комода маскирующий карандаш, тональный крем и стала тщательно замазывать синяки и ссадины на

его лице.

– Зачем это? – спросил Денис, покорно подставляя свою физиономию.

Шведка только хихикнула в ответ. Закончив свою работу, она еще раз критически оглядела его и, бросив короткое «Жди!», убежала куда-то, заперев за собой дверь. Только сейчас он обратил внимание, что, уходя, она каждый раз запирает его снаружи.

Вернулась она примерно через полчаса, причем не одна, а в сопровождении двух молодых черноусых турок.

– Это Али, это Ахмед, – представила она гостей. Тот, который оказался Ахмедом, вытащил из сумки фотоаппарат «Кодак».

– Ты не могла бы мне объяснить, что происходит? – тихо спросил Денис.

– Тебе нужен паспорт, – весело сообщила она, – давай становись к стене. Фон что надо.

– Голову прямее, – сказал Ахмед на плохом английском и тут же сделал два снимка. – Теперь в профиль, – скомандовал он.

– Это еще зачем? – удивился Денис. – На паспорт нужен только анфас, и вообще надо ехать в российское консульство, в Анкару! Вы что, собираетесь делать мне фальшивый паспорт?

– Расслабься, – посоветовала Каролина, – повернись боком. Вот так, молодец, хороший мальчик.

Фотоаппарат щелкнул еще два раза.

– Напиши латинскими буквами свое полное имя, фамилию, дату рождения и адрес в Москве, – подал голос тот, которого звали Али.

– Зачем вам адрес? Для загранпаспорта домашний адрес не нужен... Нет, ребята, я в эти игры не играю, – как можно решительнее произнес Денис.

– У тебя нет выбора, малыш, – грустно покачала белокурой головой Каролина.

– Что вам от меня надо? – тихо спросил Денис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/polina-dashkova/nikto-ne-zaplachet>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)